

Надежда Мамаева

**ХРОНИКИ
ПРОСТОГО ВОЛШЕБСТВА**

Annotation

Семь рассказов о сказочном и повседневном, о том, что случилось давным-давно, и том, что только ещё произойдёт. Но всех их объединяет одно. Чудо.

Здесь поведаёт историю девушка с характером из стали, а тамплиер развернёт свиток со своим резюме.

Здесь о чуде, глядя глаза в глаза небесам, попросит обычный хирург, и его слова услышат.

Здесь судьба столкнет, как флаеры на полном ходу, два непростых характера, а суровый генерал космолота вздрогнет, поняв, что его ожидает.

Здесь получают в дар исполнение одной мечты два одиночества.

И только здесь старинная легенда оживет в танце снежного вальса.

-
- [Надежда Мамаева](#)
 - [Резюме для тамплиера](#)
 - [Глаза в глаза](#)
 - [Она из стали](#)
 - [Особо опасное оружие](#)
 - [Свадебная малышка](#)
 - [Она](#)
 - [Он](#)
 - [Она](#)
 - [Он](#)
 - [Месяц спустя](#)
 - [Когда танцуют снега](#)
-

Надежда Мамаева

Хроники простого волшебства

Резюме для тамплиера

Ремар грустно вздохнул, подпер кулаком щеку и обмакнул перо в чернильницу.

Вот уже год, как закончилась война с кланом драконов Северных гор. Удача сопутствовала не крылатым рептилиям, как можно было бы подумать, а людям. Последние задавили драконов вовсе не стратегическим талантом, и даже не мощью магии. Нет, простой численностью, налетев как саранча. А против саранчи, тараканов и клопов, как известно, бессильны даже заклятия десятого уровня архимагов.

Ремара всегда это поражало: изобрести новое заклятие для упокоения высшей нежити, рассчитать вектора (или как называют чародеи направление своей силы?) для того, чтобы обуздать селевой поток – это у магов в порядке вещей. А вот вывести саранчу в южных угодьях – тут наделенные даром колдовства, видите ли, бессильны.

Победа в войне досталась нелегко. Из тамплиеров, отправившихся в тот поход, домой вернулся лишь каждый сотый. Ремар оказался тем самым одним против девяносто девяти погибших. Он принес с той войны седину, что знатно выбелила черный волос, росчерки шрамов по всему телу и след от стрелы, что просвистела в одном из сражений рядом с виском.

Именно после той битвы, что сделала Ремара меченным, глава клана драконов и склонил голову перед королем и ковенем магов, согласившись заключить договор. По условиям одного теперь в вотчине ящериц оставались лишь самые заснеженные пики, то время как плодородные долины и золотоносные жилы отошли людям.

Казалось, война закончена. Быстрая, победоносная, но захлебнувшаяся в реках крови, и Ремар с уцелевшими рыцарями вернулся домой. Но тут оказалась, что владыке более не нужны тамплиеры, некогда бывшие мечом и щитом державы.

Ныне монарх расширил империю до естественных границ, как то: горная гряда и море с востока и юга, перевал вечных снегов – с севера и три политических брака с запада. Дочек у правителя имелось изрядно, еще семь штук на выданье: мужик был деятельный, натуры

горячей и любвеобильной. По этой самой причине, от жаркого темперамента он спалил уже третью супругу, не выдержавшую императорской страсти и сменившую ее на вечную прохладу родового склепа. Правитель же, отбив в трауре положенный год, уже заглядывался на четвертую, втайне лелея надежду, что хотя бы в одиннадцатый раз, с новой императрицей, у него таки получится наследник.

В общем, неутомимый монарх, в чаяниях о своей державе, решил, что повоевал достаточно и пора бы уже наводить порядок на вверенных ему территориях. А жажда порядка, она же как диктатура – тотальна и не терпит исключений.

Посему самодержец подсчитал, во сколько ему обойдется содержание изрядно потрепанной армии, которой и воевать-то теперь особо не с кем, сколько нужно кормить голодных ртов здоровых мужиков в самом расцвете силы, выплачивать пенсионных пособий... И издал указ, что отныне войска тамплиеров распущены. Причем подписал его задним числом, чтобы на посмертные компенсации семьям не столь много пришлось из казны отжаловать.

Также распустил монарх и пушкарей, и половину флота, и даже погонщиков орланов – здоровенных пернатых тварюг, что составляли ударную воздушную силу в последней войне, и тех урезал на треть. Неприкосновенны остались лишь боевые маги (попробуй их сократи – сразу штурм дворца с горящими фаерболами наголо организуют, да ковром своим прикроются) и кавалерия. Последняя еще до войны была кастрирована самодержцем до роты почетного караула в сотню человек.

В итоге остался Ремар не у дел. А куда податься тому, кто с тринадцати лет – в седле да на войне? И другого не умеет, как сражаться? Год тамплиер перебивался случайными заработками. То упырей упокоит на жальнике, то волкодлака освежает, то блазня приструнит.

Селяне охотнее нанимали рыцаря, чем мага. И дело было не в том, что простой люд чурался дипломированных чародеев, считая их поцелованными нечистым. Все гораздо проще: тамплиер брал за свои услуги меньше.

«Сбиваешь нам цену», – зло процедил как-то в таверне один маг из тех, что шлялись по трактам в поисках заказов на свои услуги. Тогда

Ремар лишь усмехнулся и развел руками, еще не подозревая, что беда под лютым именем «конкуренция» нависла над ним. А спустя две седмицы то ли соперники постарались, то ли просто пришло время, но...

Гром грянул в одном из сел, когда тамплиер принес селянам, как и было сговорено, голову василиска. Ремар передал мешок с башкой ящера-статуедла старосте деревни. Мужик, почесав затылок, раздернул горловину, убедился, что это не тыква, а действительно усекновенная часть гада, о коей договаривались, и полез за пазуху, чтобы достать гонорар. Тут, откуда ни возьмись, нарисовался пошлинник.

Он вырос словно из-под земли и предвкушающие потер руки:

– Так-так, что тут у нас? – спросил этот крючоктвор, наделенный императором правом сбора налогов, а ковенем магов – амулетом, не позволявшим намылить государеву человеку шею.

Зачарованная бирюлька гордо красовался на шее сборщика налогов, давая понять всем и каждому, что владельцу сей магической цацки оплеуху отвесить не получится, как, впрочем, и угрожать расправой.

Окончательно же осмелевший пошлинник подошел к оторопевшему голове, выхватил из его рук мешок и сунул свой налоговый нос в горловину.

– Ага! – он искренне улыбнулся, предвкушая поживу. – Найм на разовую работу. Причем не только не задокументированный, но и не лицензированный. Или у вас имеется расписка? – он обратился к старосте, а потом перевел взгляд на Ремара и уточнил уже у него: – А у вас лицензия на непромысловую деятельность среди магических существ есть?

Тамплиер понял, что вляпался. Вот бывает, что по неосторожности наступишь в коровью лепешку, а тут – в цельного пошлинника. И хоть собиратель податей и вылетел не из-под коровьего хвоста, а был произведен на свет императорским указом, призванным наполнить казну, запашок неприятностей был от налогового куда ощутимее.

Чутье не подвело Ремара. Уже к полудню тамплиер оказался без оговоренных в уплату умерщвления василиска двух серебрушек, зато с предписанием явиться в столичный отдел пошлинников для уплаты штрафа.

Рыцарь было хотел отдать сборщику требуемую сумму на месте, но тут амулет на шее налогового засветился. Как позже пояснил староста: «Эта бирюлька не только не позволяет обидеть служивого человека, но и, зараза такая, не дает дать взятку пошлиннику». О последнем свойстве амулета, кажется, сожалели все трое. Староста – по причине того, что мог бы отделаться малым (видать, дедок не первый раз встречал вытчика на своем веку, раз знал и расценки, и свойства охраны у последнего). Ремар – от того, что нужно будет явиться в столицу, а это изрядный крюк. А пошлинник – что мзда проходит мимо его личного кармана.

Спустя неделю тамплиер, выходя из здания отдела, с остервенением смял бумагу. Читать Ремар не любил хотя бы потому, что грамоту изучал урывками, в перерывах меж военными походами. По этой причине – читал он медленно и только по слогам. Счета сей навык не касался: вычитать, складывать, а также делить и умножать, если дело касалось его жалования, тамплиер умел быстро.

Однако ему хватило умения складывать буквы, чтобы понять намалеванную на воротах надпись «Осторожно! Собака злая, цепь старая», или вывеску «Едальня», или как ныне – суть выданного ему предписания. Смысл распоряжения был прост: либо в ближайшую декаду рыцарь Ремар обзаводится лицензией на промысел неразумной и условно разумной нежити и дальше продолжает скитаться по трактам, предлагая свои услуги, либо в следующий раз штрафом уже не отделается. К слову, эта самая уплата штрафа вычистила до дна весь кошель рыцаря, оставив тамплиеру на все про все жалкие пару медяков.

Ремар был зол. Лицензия стоила дюжину золотых, которых у рыцаря не было.

Голод – не тетка, а мать родная, напомнил о себе урчанием в животе. Рыцарь взгрустнул. Еще год назад он пробовал найти работу в столице. Но ни в пекари, ни в ткачи Ремар и сам понимал, что не годится, а вот на такую должность, как «учитель фехтования», затребовалось таинственное «резюме». Что это за зверь такой, тамплиер узнал потом. А тогда, придя справиться о том, свободна ли должность, он удостоился оценивающего взгляда богатенького аристократа-толстопуза и процеженного сквозь зубы: «И где же ваше резюме?».

Сейчас же, обойдя с дюжину таверн, заглянув к обознику, которому требовались охранники поплечистее и посмелее, и вельможе, что хотел пополнить ряды своих телохранителей, Ремар убедился: в столице за год все помешались на этом самом резюме.

«А ведь еще недавно лучшей рекомендацией было честное слово или письмо, – рыцарю на ум пришла невеселая мысль. – А сейчас...»

Тамплиер, грешным делом, уже подумал, что этот самый свиток, где красиво выписаны умения-заслуги-обязанности, есть в городе даже у исконных обитателей канав и подворотен. И возрадовался, что хотя бы на трактах и в деревнях об этой пергаментной напасти еще не слышали.

И вот сейчас Ремар сидел за столом в едальне, перед ним лежал лист. Подле стояла чернильница, а капля на перо вот-вот готова сорваться в недолгий полет и оставить ядреную кляксу.

Тамплиер задумался. Он не знал, ни что писать, ни о чем, ни как. Взгляд его блуждал по потолочной паутине, рука, привычная к крестовине меча, сжимала чуждое перо.

– Помочь? – звонкий голос вывел рыцаря из состояния задумчивости, которое некоторые ошибочно путают с последней стадией лени.

Тамплиер оторвал взгляд от паутины и перевел его на того, кто решил его потревожить. Капля с пера сорвалась и основательно пометила пергамент. Ремар ругнулся про себя и сурово посмотрел на пацана, что стоял напротив.

Тощий настолько, что мог посрамить стиральную доску, невысокий вихрастый малец шмыгнул веснушчатым носом и, ничуть не испугавшись грозного взгляда, повторил вопрос:

– Я говорю, помочь с грамотой-то? Вы, господин хороший, не думайте, я пишу отлично, складно, красиво, быстро. Все что хотите: и жалобку какую, и заявленьице, и любовное послание могу, и даже резюме... Чего только пожелаете. Зачем такому представительному мужчине руки об чернила марать?

Ремар глянул на пальцы наглеца: те и правду были все в синих чернильных пятнах. А еще тамплиер услышал заветное слово «резюме». Рыцарь положил перо рядом с чернильницей.

– И сколько, шустрый, ты берешь? – начал торг тамплиер, щуря зеленым глазом.

– Да сущую мелочь. Медьку всего, – парень назвал такую цену, с которой торги не начинают. Такой – только их заканчивают.

Ремар прикинул, что у него как раз осталось две монетки, хлопнул ладонью по скамье рядом с собою:

– Медьку, говоришь? Ну тогда садись и пиши, – и в доказательство своих слов выложил медный кругляш на столешницу.

Паренька, что напоминал лисицу, дважды приглашать не пришлось:

– О чем писать? – спросил он, схватившись за перо и придвигая пергамент с кляксой. – Любовное послание? Или, может, сразу оду даме сердца? У меня тут как раз один шаблончик есть...

– Нет, – обрубил тамплиер воодушевившегося мальчика. – Не надо мне этих одов. Мне это... резюме.

Малец вздохнул, а потом, левой рукой засучив рукав на правой, склонился над пергаментом и уверенно выписал рунами: «Резюме». Ремар прочел медленно и по слогам. Малец же покосится на «заказчика», дескать, – смотри, не вру, писать умею и быстро. Да еще и грамотно.

– Дальше. Что застыл? – спросил тамплиер.

– Так чтобы писать, мне надо знать что.

– А ты не знаешь? – удивился рыцарь. – За что тогда деньги просишь?

– Уважаемый воитель, вы не поняли. В резюме нужно описать ваши достоинства, ратные подвиги. Чтобы оно красивым было и ваш работодатель, прочитав его, захотел именно вас взять к себе... Расскажите о том, какой вы, чем прославились а я это все красиво оформлю.

И тут Ремар крепко задумался. Его награды – это в основном шрамы на изрядно дырявой собственной шкуре. Рода он опять же простого, рыцарство получил после того, как в пятнадцать лет, будучи оруженосцем, сумел повести за собою боевую сотню. А случилось это в Бреморе, в долине говорящих барханов. Его мессир, сраженный во время битвы стрелой, мертвым упал с коня на землю. Юный Ремар поднял его штандарт, закинул за спину щит господина, запрыгнул на коня и понесся на врага. Боевая сотня, видя знамя и скачущего впереди сотника, чей щит блестел на солнце, поскакала следом. И лишь после

победы в кровопролитном бою оказалось, что их предводитель – безусый юнец.

Отвагу юноши отметили рыцарством. Но к титулу не полагалось ни земель, ни денежной награды. Монарх, как всегда, был экономен. Вот так и получилось, что Ремар из Заболотья стал рыцарем Ремаром де Бримор. Ничего не поменялось, кроме того, что имя тамплиера поднялось в общем списке воинов чуть выше, исключительно из-за алфавита.

Что же до навыков, то рыцарь честно перечислил писарю, что владеет двуручным мечом, умеет сражаться как конным, так и пешим. Неплохо стреляет из лука и метает копье.

Пацан же, чем дольше слушал, тем больше грустнел, и, когда тамплиер закончил, печально уточнил:

– То есть ни штопать, ни печь пирожки не умеете? Ну, может, хотя бы целоваться?

Нет, Ремар, конечно мог сварить кашу в походном котелке, и результат его кулинарных ухищрений был даже съедобный. Такая еда в животе самого автора шедевра почти не бурчала. Но это правило не касалось неподготовленных походными тяготами желудков простых обывателей.

То же самое и со штопкой: залатать прореху в рубахе Ремар был в состоянии, но на красоту стежков ему было искренне плевать, впрочем, как и на цвет ниток. Поэтому заплаты, наложенные тамплиером, отличались исключительной прочностью и могли с легкостью контузить эстетический вкус неподготовленного зрителя.

А что до поцелуев... Ну некогда было тамплиеру в походах особо практиковаться. Хотя тут дела обстояли чуть лучше, чем с кашей и штопкой, но все же до уровня, который хотя бы с натяжкой можно было бы назвать профессиональным, рыцарю было далеко.

Малец вздохнул, потом тряхнул курчавой головой и, закусив губу, решительно придвинул текст. Писал он быстро, убористо, и что-то периодически бормоча себе под нос.

До слуха Ремара долетали обрывки загадочных фраз: «Ну, если не умения, то обязанности», «супербонус», «суровая внешность – это у нас сойдет за умение убеждать...»

Наконец, рыжий выдохнул и отодвинул от себя пергамент, на котором бисерным почерком убористо были выведены строки. Много

строк.

У Ремара аж в глазах зарябило.

Пацан же ловко сграбастал со стола деньгу, и, поднимаясь, спросил:

– А вы, уважаемый рыцарь, куда это резюме понесете?

– К объездчику диких йейлей и в гильдию вышибал... – растерянно протянул тамплиер, пытаюсь вчитаться в ровные, но дюже мелкие строки.

– Э... тогда вам два экземпляра нужно, – заметил писарь.

– Зачем это? – удивился в свою очередь рыцарь.

– Ну как... Этот же лист вы у одного оставите...

И тут Ремар понял, почему этот шельмец запросил один медяк. Но упрекать пацана в хитрости не стал. Писарь ведь честно отработал свой медяк, сочиняя про него аж цельный лист. Про Ремара ни разу в жизни зараз столько не писали.

Потому рыцарь лишь попенял на себя-дурака, что повелся на уловку, и тут неожиданно услышал:

– А вы идите сегодня в контору сводника по должностям. Оставьте это резюме у него. А он вам сам на выбор завтра несколько вакансий предложит.

Ремар нахмурился. Что такое «место», «должность» – он знал, но вот «вакансия»...

– Ва-кан-сия? – по слогам произнес он вопросительно.

– Ну да, та работа, которая вам подходит, – охотно пояснил малец.

Ремар уже понял, что терять ему, кроме одной медьки, особо нечего (меч, доспех и коня он не считал ценностью, для него они были как те же волосы и кожа для обывателя – неотделимы от него самого), потому внимательно выслушал, где можно найти этого «сводника». Потом тамплиер скатал лист с резюме в трубочку и направился по указанному адресу. Он не видел, как пацан, уперев нос, спрятал монету за пазуху и скрестил пальцы, подняв очи вверх. Писец разглядывал потолок с видом мольца, словно просил у закопченной потолочной балки как минимум чуда, как максимум – личной аудиенции, причем не на небесной, а на земной территории.

Дошел Ремар до указанной конторы быстро. Постучал в дубовую, обитою железом дверь, и когда на пороге появился круглый, как

колобок, и лысый, как коленка, мужичок, дышавший тамплиеру в грудь, рыцарь спросил:

– Сводник по вакансиям здесь?

Мужичок кивнул и робко отступил, пуская гостя внутрь. Ремар решительно вошел, держа в руке резюме. Комната оказалась на удивление светлой, просторной и с высоким потолком. Пока тамплиер оглядывался, мужичок зачастил, правда, жутко картавя:

– День доблый, господин лыцаль. Чего изволите? Подоблать олуженосца? Слугу? У меня самый шилокий список соискателей и все – с лезюме, – последнее он сказал с такой гордостью, словно у него были не пергаменты с именами-навыками, а как минимум породистые борзые щенки.

– Нет, уважаемый, у меня к вам тоже... резюме, – с этими словами он протянул скрученную трубочку пергамента.

Хозяин деловито взял документ, развернул его и вчитался. Его глаза быстро бегали по строкам, а из уст слышалось: «Занятно-занятно», «ничего себе!», «вот это да!».

Ремар слегка занервничал. Тамплиер сам по пути сюда пытался несколько раз продраться через нагромождения рун, но спотыкался уже на первой строчке, а потом плюнул и решил «была не была».

Наконец, сводник окончил чтение и, свернув пергамент, спросил:

– А где уважаемый лыцаль остановился.

Тамплиер чуть было не ляпнул «под ближайшим забором», и это было бы истинной правдой – денег на постой у него не было, но сводник перебил его:

– Вплочем, вы сами можете завтла зайти, я подбелу для вас несколько вакансий. У вас очень многообещающее лезюме.

Ремар на это лишь вздохнул и заверил, что явиться завтра пренеременно. В полдень.

Рыцари – народ суровый. Суровый, но привыкший держать слово. На следующий день, ровно с последним ударом обеденного колокола, Ремар перешагнул порог конторы сводника. Тамплиер особо уже ни на что не надеялся, поэтому и помыслить не мог, что его обрадуют предложениями о работе аж три дюжины человек. Четверо самых рьяных уже топтали пол конторы, в жажде заполучить себе столь перспективного работника, как Ремар.

Сводник улыбался и потирал руки, собрав с каждого из работодателей по пять медек, как выразился хозяин «за возможность беседы со столь ценным кадром лично». А после препроводил Ремара в небольшую комнатку. Спустя несколько вздохов к тамплиеру по очереди стали заходить наниматели. С каждым рыцарь обстоятельно беседовал. Его спрашивали о многом, начиная с биографии и кончая выяснением того, насколько рыцарь терпелив. Со всеми тамплиер был учтив в меру своих знаний этикета.

Но когда дверь за четвертым работодателем закрылась и рыцарь хотел уже было перевести дух, створка неожиданно приотворилась, и в комнатку просочился еще один, а за ним еще и еще. До конца вечера Ремар побеседовал с почти тремя дюжинами нанимателей.

Сводник восхищенно потирал ладони, цокал языком и смотрел на рыцаря взглядом старателя, нашедшего-таки золотую жилу.

– Ну? Кого выбрали? – осведомился этот низкорослый толстячок, и от избытка эмоций добавил: – Обычно у нас наоборот – один работодатель и толпа соискателей, но вы такой кадр, такой кадр... За вас определенно стоит побороться.

Ремар задумался. Размышлял он минут десять, а после вспомнил старика из оружейной палаты, который искал себе замену. Дескать, сам уже стар, руки меч держать не могут, а оружия-то много, за всем следить надо...

Тамплиер выбрал это место еще и оттого, что в железе он разбирался гораздо лучше, чем в людях, а общение с мечами и алебардами было ему привычнее, чем с теми же посетителями едален, устройся он вышибалой или телохранителем.

Сводник удовлетворенно кивнул.

Уже на следующий день Ремар был зачислен младшим оружейником с жалованием в два золотых в месяц.

Так потекли дни, а затем и месяцы. Тамплиер откладывал деньги на свою мечту о лицензии вольного охотника на неразумную нежить, и нет-нет да и задавался вопросом: что же такого было написано в том резюме? Тот пергамент, к слову, он у сводника забрал, как разводила ни сокрушался. И порою вечерами пытался прочесть. Даже продвинулся на целый абзац. Проще всего было бы попросить кого-то прочитать, но тут ощетинивалась рыцарская гордость.

А потом Ремар решил, что прежде, чем пытался продрасться через витиеватости фраз самому, то стоит самостоятельно обучиться хотя бы письму, раз уж чтение он с горем пополам освоил. Он даже для совершенствования грамоты купил себе детскую книжку и стал корпеть над прописями по вечерам.

А еще приличное жалование позволило бывшему тамплиеру купить себе новую, взамен поизношенной, одежду, снять вполне сносную крышу над головой, нормально есть в недорогой, но опрятной таверне. Хозяйка последней, к слову, молодая вдовушка, заметив плечистого посетителя, начала лично его обслуживать.

Каждый вечер она подплывала лебедушкой, непременно в чистой рубаше с выразительным вырезом, утянув свои выдающиеся прелести и крутые бедра в корсет, в подражание столичным модницам, и спрашивала самым ласковым голосом, что желает постоянный гость ее едальни. А получив заказ – павой шла по залу его исполнять. Приносила все опять же на подносе сама, лично, призывно заглядывая в глаза Ремару.

В общем, жизнь бывшего тамплиера шла своим чередом, монеты копились в кошельке, а цель стать странствующим охотником – все отдалялась. Ее блеск подернулся дымкой налаженного быта, а начищенный доспех все чаще со вздохом убирался в сундук. Потом, правда, опять доставался, но...

Однажды вечером, отложив пропись, Ремар осознал, что со дня его приезда в столицу прошел ровно год. Время пролетело незаметно, он уже вполне быстро читал, а чтобы написать слово, ему уже не нужна была простыня. Он достал заветное резюме и под треск свечи вчитался в текст. И, о чудо! Написанное стало ему доступно и понятно. А строки бисерного почерка гласили:

«День добрый, я Ремар, бывший рыцарь, и я ищу новую работу.

Я могу быть вашей правой рукой, левой пяткой, носом, глазами, ушами и даже мозгами.

В общении легок настолько, что могу договориться и с детьми, и со стариками. В меня влюбляются без памяти адепты обоего полу, художники и поэты, роженицы, суровые воины и даже монашки с монахами.

Готов выполнить любую работу и даже больше, если буду уверен, что это действительно нужно вам, моей стране, и будет оплачено по достоинству.

Я не буду закапывать с вами труп вашего врага, но знаю дюжину способов, как избавиться от мертвого тела в условиях снятой на ночлег комнаты, не привлекая внимания соседей, а также найду семь контор, которые смогут это сделать за вас, не задавая вопросов.

Легко обучаюсь, адаптируюсь к любым условиям. Заявляю это как человек, работавший и в палящий зной в долине говорящих барханов, и не единожды побывавший в командировках на вершине Снежного хребта. Вынослив, как вол, легок на подъем, как грифон. Обладаю уникальным навыком быстро анализировать ситуацию.

Взяв на вооружение мудрость торговцев, завел себе тетрадь с полезными адресами и советами на все случаи жизни и смерти. Мои знания и опыт помогут вам найти все, всегда и везде. Я помогу в поисках повитухи для вашего любимого паука, найду ландыши в разгар зимы для люто любимой тещи, сочиню серенаду и очарую двоюродную сестру подруги секретарши важного заказчика.

Мои военные навыки и опыт помогают мне вовремя взять тряпочку и заткнуть ею свой рот, если начальник не в духе. Или же произнести с полным пониманием: «Да! Так точно. Будет исполнено».

Если этого требуют обстоятельства, могу превратиться в кого угодно, даже в Темного властелина. Хладнокровен, пунктуален. Довожу начатое до конца в установленные сроки.

Мои познания обширны и подкреплены практикой во многих, да что там во многих, практически во всех областях. Я могу продать печь пустыннику и морозильный шкаф ледяному дракону, вести бухгалтерию (если нужно – то и подземными переходами, если нагрянут налоговики с проверкой), расхвалить лежалый товар так, что его оторвут с руками и даже поменять подгузник детенышу тролля.

Знаю все об оружии и бое, торгах и дипломатии (могу даже убедить женщину, готовую заложить мужа в меховой лавке ради шубки, что та ее безумно полнит), легко переношу любые погодные условия и способен работать даже под свист стрел над головой.

Разговариваю на двух языках свободно: имперском и всеобщем матерном, а также владею деловым языком жестов (особенно хорошо получаются фигуры из одного и трех пальцев). Способен понимать иностранцев по интонации.

О себе:

Родом из Заболотья, а тому, кто сумел вырасти в этих топях, уже ничего не страшно. Посему – здоровья отменного, и не свалюсь с простудой, даже если все вокруг будут кашлять, выплевывая ошметки легких. Юность провел в седле, оруженосцем, объездив пол-империи. По этой причине отлично разбираюсь в картах и ориентируюсь на местности. Не только не потеряюсь среди трущоб и городских лабиринтов, но и в лесу, степи, болотах, а также выведу всех куда надо. Молод, не женат, детей нет. Потому могу работать с утра и до вечера, не отлучаясь на больничные детям и очередные роды жены.

Особые навыки

Умею штопать и готовить.

Хорошо целуюсь.

Могу нашинковать врага и колбасу мечом за пару вздохов

Думаю головой, люблю сердцем, чую жопой и никогда не путаю эти три понятия.

P. S. А при личной встрече вы, помимо всего прочего, сможете почувствовать всю силу моего обаяния.»

Прочитав последние строки, Ремар нервно икнул, отложил в сторону пергамент и на негнущихся ногах подошел к столу, на котором стояли кувшин с водой и стакан. Он взялся за горловину кувшина и начал пить жадными глотками.

А потом и вовсе вылил остатки себе на голову.

«Лучше бы я так и не научился толком читать, – была его первая связная не матерная мысль. Вторая, впрочем, оказалась еще более эмоциональной: – Придушу гаденыша рыжего! Так опозорить воина. Это же надо, кем этот паразит меня только не обозвал». Но потом, поразмыслив, бывший тамплиер все же пришел к выводу, что свое дело резюме сделало: работу он нашел, причем хорошую, по душе.

С такими думами Ремар решил прогуляться по городу, чтобы окончательно выветрить из головы гневные мысли. Ведь руки нет-нет, да и сжимались в кулаки при воспоминании о строках, написанных ушлым пацаном.

Ремар шел по булыжной мостовой, и сам не заметил, как ноги вывели его к той самой таверне, где ровно год назад писарь за медьку изменил его жизнь. Рыцарь уже было хотел пройти мимо, как двери едальни распахнулись, и наперерез ему выскочила девица. Рыжая копна кучерявых волос, в одной руке пергамент, во второй – подол.

Она на всей скорости влетела в широкую грудь Ремара, выронив свиток. А за ней следом выскочил поддатый бугай с заплывшими глазами и криком:

– Паршивка неблагодарная! Отдай деньги, ведьмино семя. А то я тебя... – и мужик недвусмысленно потянулся к поясному ремню.

Рыжуха, в которой Ремар признал своего писаря, сдавленно ойкнула и попыталась поднырнуть под руку рыцарю. Но от воина так просто не уйдешь.

Ремар перехватил ее запястье и вкрадчиво поинтересовался:

– Что происходит?

Будь он по рождению благородным, то непременно поинтересовался бы другим: не нужна ли даме помощь? Окажись он не рыцарем, а горожанином, то и вовсе прошел бы мимо. Но Ремар был воином. А воин привык в первую очередь разведывать обстановку.

– А не твоего ума дело, – пьяно, а потому бесстрашно возразил преследователь. – Она, ик, моя падчерица, а ты ей никто, так что проваливай.

Ремар при этих словах сжал челюсти: да, он знал, что есть такой закон, что позволяет распорядиться судьбой своих дочерей главе рода. И стороннему вмешиваться в дела семейные – не след.

Но тут рука тамплиера почувствовала, как вздрогнули девичьи плечи. Он увидел, как глаза рыжей наполнились слезами. А потом

цепкий взгляд отметил и синяки на шее, прикрытые воротом платья. И потому тамплер произнес лишь одно слово, обращаясь к рыжей:

– Обидел?

И девчонка разрыдалась, прижавшись к его груди.

– У... паскуда, к чужому мужику жметя. Вся в мать-покойницу. Такая же шлюха выросла. Но ничего, Карл из тебя всю дурь выбьет, а потом в монастырь отдаст, пока ни под кем побывать не успела, – в пьяном угаре заявил мужик и добавил: – Че, не ждала, лярва. Глазищами-то как захлопала. Монастырь – это дело хорошее, благочестивое и прибыльное. За тебя мне уже настоятельница два золотых заплатила, так что давай, отдавай все заработанное за сегодня, и живо домой... Ик, готовиться стать небесной невестой.

Рыжая замерла. Все ее тело напряглось, словно от удара кнута. А Ремар был готов плюнуть на все законы и свернуть шею этому пьяному ублюдку. И плевать, что сторонний не смеет вмешиваться в дела семьи.

И тут, неожиданно для самого себя он произнес:

– Я ей не посторонний. Я ее жених.

Ремар хотел лишь мельком глянуть на девчонку, ободрить, усмехнуться, дать ей понять, что это все – игра. И замер. На него смотрели янтарные глаза, в которых смешались отчаяние и надежда.

– Жени-и-их... – насмешливо протянул пьянчуга. – Жених – еще не муж. Так что давай, Анма, марш домой, кому сказал.

– Это недолго поправить, – решительно прижав замершую рыжуху к себе, сообщил Ремар, и, уже обращаясь к девушке, спросил: – где здесь ближайший храм?

Она нашла в себе силы лишь кивнуть, и еще теснее прижалась к груди тамплиера.

А Ремар подумал: до какой грани отчаяния должна была дойти эта девушка, раз готова искать защиту у чужака?

Впрочем, если рыцарь принимал решение, то его уже не менял. От таверны он направился напрямик к храму. Анма семенила за ним, глядя недоверчиво, исподлобья, но не пытаясь вырвать руку из его руки.

Уже у порога храма Ремар выдохнул и обернулся:

– Разведемся завтра же. И ты будешь свободна. Считай, я возвращаю то, что задолжал тебе год назад.

Рыжая улыбнулась так искренне, словно взошло солнце.

– А я тебя сразу узнала: тебе резюме год назад писала. Ты мне тогда понравился, – она смущенно зарделась. – И мне очень захотелось, чтобы ты работу нашел.

– Я и нашел, – Ремар впервые за много лет вновь почувствовал себя мальчишкой, которому еще не чужды робость и смущение, а потом вспомнил, что он воин и ему скоро тридцать, оттого решительно произнес: – Ну как, Анма, готова стать моей временной женой?

Она лишь еще больше засмушалась:

– Да.

Повенчали их быстро, и запись в приходской книге сделали честь по чести, и запястья украсили свадебными рунами.

Когда на пороге храма появился шатающийся отчим с отрядом дознавателей, требуя Анму по праву отца, было уже поздно.

Ремар привел ее к себе. Отдал своей фиктивной жене собственную постель, а сам готовился устроиться на полу, на походном одеяле. И тут Анма подошла к нему, решительно обняла за шею и, зажмурившись, привстала на цыпочки и поцеловала. А потом, словно сама испугавшись собственного порыва, захотела отпрянуть. Но Ремар, уже распробовавший вкус робкого девичьего поцелуя, не захотел столь быстрого окончания.

Когда же двое оторвались друг от друга, то оба тяжело дышали, и у обоих с губ сорвалось синхронное:

– Извини.

Не сговариваясь, оба решили лечь спать. Анма долго возилась под одеялом, а Ремар делая вид, что спит, до полуночи лежал неподвижно и думал о рыжей. Он пришел к выводу, что с завтрашним разводом сильно поторопился. Рыцарь был уже не юнец и понял: рыжая ему не просто понравилась, она его зацепила. Даже больше: он влюбился в нее с первого взгляда.

Тамплиер лежал и думал, прикидывал, как бы уговорить Анму не идти завтра в храм, а подождать. Хотя бы немного... Ведь нет ничего более постоянного, чем «чуть-чуть»... за год тамплиер отчетливо это понял. Он лежал и не знал, что в симпатичной рыжей головке уже созрел коварный план по соблазнению. Ведь Анма влюбилась в этого рыцаря еще год назад, в таверне, когда он рассказывал о себе. И

сейчас, когда ее жизнь изменилась столь кардинальным образом, она не намерена была упускать своего счастья.

Глаза в глаза

Свет, закрепленный на видеокамере, был нестерпимо-ярким, словно препарировал двух женщин, сидящих за столом в кабинете.

– Саш, звуковую дорожку синхронно запишем? – осведомилась журналистка, помогая зацепить микрофон на медицинском халате героини своего репортажа.

– Давай, – согласился оператор.

Январь, после отшумевшей череды новогодних праздников, не радовал обилием новостей. У Татьяны сегодня была рядовая съемка, типичная. Представительница четвертой власти, грезившая о новостном кресле богини прайм-тайма, с интересом рассматривала свою собеседницу, женская красота которой уже начала увядать: паутинка морщинок, нитки седины на висках.

Героиня ее нынешнего сюжета – Нарин Аримян – нейрохирург, впервые сумевшая провести операцию по имплантации вставочных нейронов в продолговатый мозг. Это было не просто рядовое спасение жизни парня, попавшего в аварию, нет. Это был прорыв в медицине: теперь даже те, у кого поврежден спиной мозг, кто, казалось бы, навеки прикован к кровати, получили шанс встать на ноги.

Однако, впервые услышав армянское имя, Татьяна почему-то решила: герой ее сюжета – мужчина. Каково же было удивление журналистки, когда этим морозным утром, зайдя в кабинет, на коне которого мороз вывел причудливые узоры, она увидела хрупкую женщину. Халат цвета первого снега, светлые волосы, тронутые сединой, и свет, белый свет, исходивший от этой удивительной женщины, ее героини. Татьяна тряхнула головой, прогоняя наваждение, и посмотрела на хирурга уже другим, цепким, профессиональным взглядом. Журналистка удивилась повторно: это она провела со скальпелем восемнадцать часов у операционного стола? Держала в руках кранитом весом в несколько килограмм? Вскрывала череп? Эта хрупкая восточная женщина?

– Запись пошла, – оповестил оператор.

Журналистка отмахнулась от ненужных мыслей и приступила к интервью:

– Нарин, скажите, в чем уникальность проведенной вами операции?

Хирург улыбнулась и начала рассказ, щедро сдабривая его медицинскими терминами. «Все как всегда», – подумалось Татьяне. Но вот положенный материал был отснят, шли последние минуты, но журналистке хотелось остроты. Репортаж выходил уж очень пресным.

– Скажите, как Вы решились на такую операцию? Шанс, что пациент выживет после нее, по вашим же словам, был ничтожно мал. Это были ваши амбиции? Вы так пытались опробовать свои научные наработки на практике или что?

Прежде чем ответить, хирург внимательно посмотрела в глаза журналистке, а потом спросила ее:

– Знаете, что самое тяжелое в моей работе?

Татьяна растерялась. Она ждала агрессивного ответа, оправданий, крика: «Вон!», но не вопроса, заданного мягким усталым голосом.

– Нет.

– Самое сложное – это смотреть в глаза матери, выходя из операционной и говорить, что ты не смогла спасти ее сына, что ее ребенок лежал перед тобой, а ты проиграла этот извечный бой со смертью. Видеть, как враз седеют виски, каменеет лицо, боль и осколки веры в глазах. – Врач словно погрузилась в воспоминания. Она долго молчала, а оператор и журналистка боялись пошевелиться. Наконец Нарин продолжила: – Я предпочту отдать десять лет жизни за раз, чем прожить пять минут, глядя глаза в глаза матери, вмиг потерявшей смысл жизни.

* * *

Прошло пять лет. Татьяна заняла вожаемое место, перестала быть «полевиком». Готовясь к предновогоднему эфиру, она просматривала репортажи, сверяя их с текстом. Ее взгляд зацепился за некролог: «Ушла из жизни Нарин Аримян...».

Татьяна подняла взгляд на монитор: изображение дряхлой старухи, так похожей на ее давнюю собеседницу. Бред, это просто бред! Той Нарин от силы сорок... это совпадение. Но что-то после эфира давило на ведущую, не давало спокойно жить. Через неделю

Татьяна не выдержала, и, отыскав в адрес центра нейрохирургии, поехала туда. Выяснить ей удалось лишь то, что умершая была действительно когда-то ее интервьюируемой и состарилась очень быстро. «Такое бывает, сбой генома: организм, перейдя определенный возрастной рубеж, стремительно стареет», – развели руками бывшие коллеги Аримян.

– А Вы не знаете, где ее похоронили? – ведомая журналистским чутьем спросила Татьяна.

Хирург, ныне занимавший место покойной Нарин, покопавшись в записной книжке, продиктовал ей адрес. Записав координаты, журналистка села в машину. Она словно не решалась ехать в город вечных снов, а потом бросила в пустоту: «К черту!» и выжала педаль газа, из-под колес машины брызнула снежная крошка.

На кладбище было пустынно и бело. Ограды среди снежного покрывала. Лишь молодой парень стоял у свежей могилы. Это оказалось оно – последнее пристанище Нарин Аримян.

Татьяна молча подошла. Сколько они так стояли вместе, каждый думая о своем? Час? Или пять минут? Есть мгновения, когда время теряет смысл. Парень вдруг нарушил тишину:

– Она тоже Вам помогла?

– Да, – журналистка запнулась перед ответом. «А ведь и правда, – подумала она, – те ее слова про мать... они что-то во мне перевернули», и уверенно добавила: – Помогла.

– Мне тоже, – ответил парень, потом выдохнул, словно перед прыжком в прорубь. – Знаете, мне надо с кем-то поделиться, иначе я сойду с ума. Можно с вами?

– Конечно.

– Нарин... она меня не просто спасла, пересадила эти чертовы нейроны. Она мне отдала часть своей жизни. Не знаю как, но чувствую, понимаете? Я ведь должен был умереть... Никому из родных этого не говорил: мать перепугается, друзья посмеются и в Кащенко предложат позвонить, но вы-то чужая. Я все помню. Помню и свое тело, и себя над ним, помню, как взвешивали мои грехи на чашах, и ее голос тоже помню, как она ручается за меня, платит своей жизнью за мою. И вот теперь я живой и здоровый, а она...

Парень махнул рукой.

– Жизнь взаимы... никогда не думал, что это ответственность.

Телефон в его кармане противно запищал.

– Извините, мне пора, я на лекцию опаздываю, – смущенно проговорил он, словно уже корил себя за излишнюю откровенность.

– А на какую?

– По нейрохирургии.

* * *

Спустя несколько лет после этой кладбищенской встречи в эфир вышла телепередача: вечно молодая Татьяна Амир вела ток-шоу, посвященное молодому, талантливому нейрохирургу, сумевшему не только повторить операцию по имплантации нейронов, но и разработавшему методику, ныне активно используемую хирургами по всему земному шару.

Она из стали

Запись в ежедневнике:

Для кого-то конец уходящего года – это время подвести итоги. Для других – повод наметить новые цели. Но для меня этот день – день второго моего рождения. Посмотрела на часы. Еще две минуты – и полночь. Мигнет табло электронного календаря, и вновь будет тридцатое декабря, когда семнадцать лет назад, моя жизнь разделилась на «До» и «После».

* * *

– Ты будущая олимпийская чемпионка! Ты лучшая. Докажи это всем! – слова мамы. Они – напутствие, набат, мантра.

Повторяя их про себя, я шла к разновысоким брусьям с прямой спиной, как учила тренер. Голова высоко поднята. Вытягиваю носок при каждом шаге. Знаю, как выгляжу со стороны. Невысокая, скорее даже мелкая, с задраным как у зазнайки носом. Ну да мы, гимнастки, здесь все такие. Иные не побеждают. А тут собрались победители. Чтобы определить лучших, тех, кто войдет в сборную страны. И ради этих мест все мы уже заплатили свою цену. Годы тренировок, боли, слез, травм, диет. Наверяд ли хоть кто-то из нас в двадцать будет много выше полутора метров. Рост – еще одна плата. Высоким на брусьях, бревне – нет места: центроваться на больших оборотах очень тяжело. Слишком велик риск травмы. Вот поэтому-то еще с семилетнего возраста самых перспективных и подсаживают на добавки, что выводят кальций из организма, чтобы не выросли больше нужного.

А гордость, с которой каждая несет себя по матам – тоже вещь особая, культивируемая и лелеемая тренерами. Всем и каждой говорят, что ты – лучшая, заставляя добиваться невыполнимого, на первый взгляд. И учат видеть в той, с кем делишь зал, не друга – соперницу.

И как иначе – подруге можно уступить, проиграть. С конкуренткой же будешь вырывать из себя все жилы ради того, чтобы стать лучше, чем она.

Ладонные накладки в тальке. Шаг, еще один. Разбег. Тело привычно взлетает. Руки, не по-детски сильные, хватаются за перекладину. Вдох-выдох.

«У меня все получится» – мелькает в голове мысль. Тренер заявила сложный элемент: из оборота стоя перелёт Ткачёва прогнувшись. На тренировках он получался, правда, не всегда. Но до отбора не было времени его доработать. Решили идти ва-банк, на страх и риск родителей, подписавших все бумаги, согласно которым ответственность в случае травмы они берут на себя.

Мама и папа мои – фанаты спорта. В прошлом оба биатлонисты. Они и познакомились-то на сборах. Живут, дышат, спят, умрут, наверное, и то со спортом. Двух своих дочерей – меня и Алису – отдали в гимнастику, едва каждой исполнилось по три года. Они верят, что кто-то из нас двоих обязательно должен взять олимпийское золото. Поэтому с детства обеих готовили только к победе. Школа, подружки, игры во дворе – это было мимо, не интересно для нас. Зал, брусья, бревно, маты, конь. С ними порою по целому дню, вместо школы. Скольким пятилеткам они дарили надежды?

Родители приводили сюда своих девочек, своих куколок. Кто-то из них хотел просто здоровья для своих детей, не гонясь за высокими достижениями. Те малышки были счастливицами.

Но как только мамы и папы решали, что стоит заниматься не ради здоровья и спорта, а ради побед – всё. Другой подход тренеров, другая программа, другие нагрузки. Ты упала? Боль такая, что не можешь говорить? Главное – нет перелома. Поэтому встала и пошла. На новый заход. И так изо дня в день, без праздников, тортов и шоколада. Потому что каждое утро перед тренировкой – взвешивание.

И вот до места в сборной – всего один шаг. Один наскок, один смешанный хват, один... рука сорвалась.

Падения я не запомнила. Просто вспышка. А потом... носилки, скорая, палата.

И одиночество. Как-то враз не стало всего, что было до этого смыслом. Диагноз: смещение позвонков. В перспективе через пару лет – ограниченная подвижность. А спорт... разве что шахматы.

Настольный теннис – и то уже слишком подвижен и потому опасен для здоровья.

Мама, приходящая всё реже. Нарочито – шумная, хвастающаяся успехами Алиски. Папа, прячущий глаза. Сестренка, что заходила и каждый раз словно извинялась: будто заняла моё место в сборной не по праву, а укравши. Им было неловко за меня, выпавшую из их семейной обоймы. Иногда казалось, что в палату они приходят не ради меня, а ради своей совести.

Это раздражало. В такие моменты особенно остро чувствовалась пропасть между капельницами, куском неба в обрамлении оконной рамы, неистребимым больничным духом, который проникал даже в сон, и целым миром, что дышит там, за пределами серого типового корпуса. Миром, в котором жили мама, папа, Алиса. Жаль, что они его не замечали, отринув, добровольно сузив до стен спортзала.

Менялись медсестры и нянечки, которым родители передавали серые конверты за "дополнительный присмотр": чтобы переворачивали, не допуская образования пролежней, ухаживали, обращали внимания чуть больше, чем на других пациентов. Полагаю, что такие же конверты переключивали и в карман зав. отделением, ибо менялись и соседки по палате, я же обосновалась здесь с постоянной пропиской.

В рутине больничной жизни я начала свыкаться со своим новым местом. Новой ролью, не сильно отличной от роли флюгера, что прикован к крыше и не волен даже сам повернуться. Ветер – вот кто решает, в какую сторону ему смотреть. В моем случае миссию Борея выполняла медсестра.

Все изменилась вьюжным февральским утром, когда в палату привезли очередную новую соседку... Ссохшаяся, морщинистая. Внешне создавалось такое ощущение, что она была олицетворением самой старости. И в то же время она не могла не вызывать уважения: не надоедала брюзжанием, что зачастую так свойственно пожилым людям; не хваталась за сердце всякий раз после вечерних новостей, не пускалась в пространные рассуждения – воспоминания о былом и не пыталась учить всех и вся, что и как правильно.

Иногда, глядя на неё, у меня создавалось ощущение, что сильная, еще молодая, но уже много пережившая душа заперта в теле, которое ей, душе, не по возрасту. Цепкий, прямой взгляд порою препарировал.

Острые, жгучие, словно негашёная известь комментарии заставляли подобраться. А логика её некоторых поступков осталась непонятной мне до сих пор.

Спустя годы, возвращаясь мыслями в то время, поймала себя на том, что, пожалуй, если я в старости буду на неё чем-то похожей, нужно будет сказать судьбе спасибо.

Некоторое время новая соседка присматривалась ко мне, а после очередного маминого посещения без обиняков произнесла, словно приговор зачитала:

– Не думала, что победителей куют из свинца. Всегда считала, что из стали.

Её слова задели, разозлили. Поневоле захотелось ответить.

– А вам-то какое дело?

– Мне – никакого. Я своё отжила. А вот у тебя всё впереди. Думаешь, одна дверь закрылась и кругом стена? Посмотри, в любой стене, в любом заборе обязательно есть дыра, щель. Вот в неё и лезь. Борись, дерись. Это твоя жизнь, и другой не будет. Как бы ни мечталось.

Поворот головы – пока единственное, что давалось мне самостоятельно.

– А если сил, возможности даже ползти нет?

– И ты веришь врачам? Что они твердят тебе, уткнувшись в листы: в перспективе – ограниченная подвижность? – старуха презрительно хохотнула. – Запомни. Медицина, увы, не совершенна, её возраст всего несколько сотен веков. Гораздо более совершенно то, что создавалось природой миллионы лет – наше тело. Оно способно к восстановлению. Нужно только приложить все силы, все желание. Хотя... и советами этих шарлатанов – эскулапов всё ж таки пренебрегать не стоит. Иногда они дельные вещи говорят. Жаль, что только иногда.

Её короткая речь, сухая, рубленая, и в то же время по – своему эмоциональная, что-то перевернула во мне. Похоже, собеседница это уловила и продолжила:

– Хочешь, помогу тебе. Но не просто так.

– А как?

– Ты встанешь на ноги. Будешь полноценной. Но моё условие: не вернешься в спорт, гоняться за эфемерной наградой, а проживешь ту

жизнь, которую я не сумела дожить.

– Это какую?

– Счастливую. Следуя за своей мечтой, а не гонясь за целью, которую кто-то другой перед тобой поставит. Знаешь, что самое сложное в этом мире? Просто быть счастливой, не жить ожиданием, что вот завтра-то будет все идеально, а проживать каждый миг. И делать это не в одиночестве. Судьба подарила мне многое – грех жаловаться, но кого не было, это того, на чье плечо я могла бы опереться в трудную минуту. Не было детского смеха в моей квартире.

Старуха замолчала, а я почувствовала себя лишней в палате. Словно эта исповедь, обнажившая самое сокровенные, предназначалась лишь для больничных стен.

– Так что решай.

Терять мне тогда было нечего, я согласилась.

Потекли больничные будни. Процедуры, упражнения. Вроде бы все то же самое, но я внутри становилась другой. Моя соседка учила меня не алгебре с геометрией, не языкам, этикету или программированию, она учила меня смотреть на жизнь по-новому. Ценить то, что раньше воспринималось как глупость, и не обращать внимания на казавшееся до этого архиважным. Тогда я поняла одно: ценность жизни в самой жизни. Не в каком-то определенном её миге – рождении, смерти, свершении. Она – во всех её проявлениях: любви, радости, боли, ненависти. В каждом вздохе. В людях, которые рядом.

Эти простые истины знакомы большинству представителей вида *Homo sapiens*, но душой, сознанием так и не поняты, не приняты. Зачастую человек сам себя ограничивает в погоне за призрачным «завтра», преследуя мечту. А этого самого «завтра» нет. Есть «до», которое редко можно исправить. Есть «сейчас», которым дышишь.

Я это поняла и приняла. Это стало моей аксиомой.

Родители с сестрой уехали сначала на сборы, потом на олимпиаду, затем Алиске предложили турне. Открытки из разных мест, фотографии, редкие звонки.

Ещё один год отдалил меня от тех, кто раньше был моей семьей. Но я была благодарна провидению за замену. С моей соседкой мы не то, – чтобы сдружились. Я её уважала. Она увидела во мне своего позднего ребенка.

Оказалось, что в свое время эта сильная, по-своему уникальная женщина была журналисткой. Военной, прошедшей от Москвы до Рейхстага, а потом, несмотря на железный занавес, объездившей полмира. Правда, не Лос-Анджелесы и Парижи были местами ее вояжей, а Бангкок, Исламабад, Каракас. С камерой в обнимку она видела и потери, от которых в раз седеют виски, и радость, от которой немеют. Ее рассказы заставили меня еще больше влюбиться. Влюбиться в жизнь. По-новому.

А когда через три года я смогла ходить, врач не поверил. Несколько раз перечитал первоначальный диагноз. Жаль, разделить радость с соседкой я не смогла. Костлявая с косой успела подкрасться к ней в своих мягких тапках.

Мама с папой же радовались моей главной победе лишь до слов:
– Больше я спортом заниматься не буду.

На вопросы: «почему?» «может, попробуешь снова?» – я ответила категорично: «Нет!». Чем весьма расстроила родителей. После такого заявления они окончательно переключились на Алису. А я с рвением засела за школьную программу. И смогла за пару лет наверстать упущенное. После – поступить в знаменитый на всю страну вуз. Без блата.

Именно в пору студенчества и познакомилась с Максимом – невысоким худощавым юрким парнишкой с параллельного потока. Он умудрялся быть затычкой в каждой пробойне и знатным разгильдяем, но при этом создавалось такое ощущение, что родился с камерой в руках. Оператором Макс был, что называется, от Бога.

Любовь выросла из дружбы незаметно для нас обоих. Не стремительная, как вешний поток, не знойная, как летний жаркий полдень в мегаполисе, а с шепотом рыжих листьев, которыми так славится ранняя осень.

Макс стал для меня не просто спутником жизни. Он – моя опора, поддержка. Когда после выпуска несколько лет подряд я не могла пробиться, когда о моих работах говорили: «ее работа хорошая, но имя неизвестное, не стоит брать...» муж повторял: «не сдавайся, у тебя получится».

Сейчас мне тридцать. За плечами кинонаграды и фиаско, но главное – я счастлива. Я осуществила свою мечту, оставшись верной ответу на вопрос соседки: «А какое будущее ты сама для себя

хочешь?». Помнится, тогда сказала: «Хочу создавать кино. Показать людям, что жизнь – самое удивительное чудо».

Единственное, с Алисой и родителями редко общаюсь. Они так и не смогли простить «предательства»: к брусьям после выписки из больницы я так ни разу и не подошла. Да, на праздничные обеды мы собираемся всей семьей за одним столом, смеемся, беседуя о ерунде, но нет между мной и мамой той духовной близости, которая была с соседкой по палате.

* * *

Цифровое табло показывало ровно полночь. Дочурка недовольно завозилась в кроватке, но, выпятив попу кверху, успокоившись, заснула.

«Спасибо, – прошептала я почти беззвучно, глядя в окно. – В тысячный раз спасибо тебе». Есть люди, которые остаются с нами навсегда. Что бы ни случилось с ними, с вами. В мыслях, чувствах, в поступках. И моя бывшая соседка по палате была именно такой.

Особо опасное оружие

Режим полной боевой готовности! – начальник гарнизона только что вышел из своего кабинета. Он и был полон угрюмой решимости бороться с захватчиком – не хуже фермера, чей урожай был на корню сожран колорадским интервентом.

Солдатик, выполнявший роль секретаря, при виде грозного майорского ока втянул воздух так, что желудок, казалось, был готов сломать позвоночник. Он с благоговейным ужасом уставился на начальственные погоны, которые возвышались над слегка наметившимся пивным брюшком и могучими плечами. Выше взор подчиненный поднять не смел, поэтому недовольно топорщившаяся щетка усов и взгляд, что способен прожечь не хуже лазерного пулемета Kalashnikov-modis (а по-простецки камод) рисовалась исключительно в его воображении.

– Так точно! Режим полной боевой! – козырнул секретарь и замер, побоявшись лишний раз вздохнуть.

Майор озвучил команду и произвел тактическое отступление в недра своего кабинета, но в последний момент замер. Уже на пороге обернувшись вдогонку приказал:

– Меня до начала не беспокоить.

И удалился, совершенно не объяснив робеющему подчиненному, что же это за загадочное «НАЧАЛО» такое?

Несмотря на краткость приказа и последовавшее за ним еще более туманное уточнение, распоряжение начальства было исполнено в кратчайшие сроки. Все, от рядовых до капитанов, пребывали в тревожном ожидании, квинтэссенция которого была почти материальной в командном центре.

Каждый из присутствующих думал о своем, но так или иначе, мысли всех касались надвигающийся вражеской атаки. Да, сейчас двадцать второй век и основное поле боя – дисплей и нейроны головного мозга тех умников, что дирижировали отрядами киборгов и андроидов, наводили ракетные комплексы на указанные начальством цели, но у врагов были и киборги, и умники не хуже, а часто даже гораздо лучше.

Не стоило забывать и о десанте – в этих отрядах хоть и были только люди, но если они и уступали машинам физически, с лихвой компенсировали это непредсказуемостью ведения боя. И кто или что из широкого ассортимента вражеского арсенала заглянет сегодня в гости – большой вопрос.

Поэтому весь гарнизон ждал. Ждал и боялся, как единый организм.

Вот и сейчас операторы неотрывно следили за потоками данных. Взмокшие от нервного напряжения, они втайне молились лишь об одном: поскорее бы началось. Ибо ожидание становилось уж совсем невыносимым. И как часто такое бывает, не заметили красной точки, появившейся на экране одного из радаров.

Лишь противное ритмичное пиканье, свидетельствовавшее о перемещении объекта в святая святых гарнизона – командном центре, раздавалось в тишине рубки.

– Объект находится в здании и продвигается по одному из коридоров первого уровня в южном направлении. – срывающийся от волнения голос одного из наблюдателей вывел старпома из состояния оцепенения.

– Активируй защиту по коду Bravo-семь. – отрезал командир.

– Есть активировать! – уже более уверенно выдал солдат и застучал пальцем по сенсорной клавиатуре. Сейчас он ввел код программы для отряда киборгов класса «Элронг», или в просторечии «Эльки» – предназначенных аккурат для ближнего боя.

Пиликанье радара раздражало, и старпом приказал вывести на дисплей изображение коридора, а заодно и загадочного вражеского лазутчика.

– Никак не могу... – запинаясь, выдал солдатик.

Он прикидывал, как бы покорректнее доложить руководству, что камер слежения (коих, к слову сказать, по накладным за гарнизоном числилось более сорока тысяч штук, а на деле было около тысячи по причине виртуозных махинаций со стороны командиров) именно в тех коридорах как раз нет. До ближайшей вебки противнику добираться еще метров сто, поэтому изображения шпиона он старпомовскому оку сейчас предоставить, ну, никак не мог.

Похоже, начальник и сам понял причины затруднений. Набывчившись, он уставился в монитор, на котором помимо красной

точки – противника, появились семь зеленых, символизовавших киборгов.

Пиксели на мгновение застыли, а потом началось то, от чего у старпома брови полезли на лоб. Да так и грозили подняться еще выше и прочно обосноваться на месте наметившейся плечи. Зеленые точки водили какой-то странный бешеный хоровод, пытаясь угнаться за невероятно прыткой красной коллегой, и зачастую сталкиваясь меж собой. При этом их хаотичном перемещении они порой пробегали и по стенам, и по потолку.

– А разве Эльки так могут? – прокомментировал увиденное лейтенант.

– Они и не могут... – озадаченно ответил ему помощник.

Закономерным итогом неправильной эксплуатации киборгов коварным противником стал вердикт наблюдателя, активировавшего пресловутую утилиту «Браво» – эту морально устаревшую программу, коею руководство гарнизона обязано было использовать при проникновении шпионов. Она была разработана еще пятнадцать лет назад и в современных реалиях выглядела как конный отряд, идущий в лобовую атаку на танковую дивизию: в смысле с тем же шансом на победу. Но устав есть устав, а раз в нем сказано...

– Киборги номер четыре, шесть и семь не отвечают. Похоже, частично вышли из строя... – доложил наблюдатель.

– Включить систему плазмо-лазерной охраны внутри здания – отдал следующий приказ старпом и уже на тон тише добавил: – И доложить начальнику гарнизона, что уже НАЧАЛОСЬ.

Сам же тем временем уставился на дисплей, где вреднющий красный символ и не думал замирать, петляя не хуже зайца по трехмерному голографическому лабиринту первого этажа и превосходно лавируя между залпами активировавшихся ловушек, а затем и вовсе виртуозно скрывшись в системе вентиляции.

Ошарашенные зрители неверяще таращились на картинку, которая радовала глаз всеми оттенками бешеной осени от пурпурно-красного до благородного золота: система плазмо-лазерной охраны с чувством долга обрабатывала вложенные в нее денежные единицы, поливая огнем пустой коридор.

– Мы его потеряли. В вентиляции пеленг не берет... – голос солдата, которому в этот злополучный день выпала сомнительная

честь быть глашатаем плохих вестей, звенел как перетянутая струна.

«Как и охранная система» – мысленно закончил за него старпом. Об этом упущении знали не только в гарнизоне, но и «наверху», однако, безопасники не чесались и переделывать что-то не спешили, аргументируя тем, дескать, до вентиляции еще добраться надо через защиту. А уж последняя не подведет. Не подвела... Даже дважды. И сейчас результат этого «неподведения» лез по воздуховоду, надо полагать, по их командирские души.

Помощник начальника гарнизона с чувством матюгался на безопасников, выстраивая столь заковыристые и многоэтажные конструкции, что матерые лингвисты удавились бы от зависти.

Пошли томительные минуты ожидания. Одна, вторая, третья – пропитанные тревогой, тягучие, словно карбамидная смола. На девятой случились сразу два события. В рубку вошел начальник гарнизона, слегка запыхавшийся и полный решимости: со съехавшей фуражкой, в расстегнутом кителе – вид он имел весьма расхристанный.

Фанфары в честь прибытия командования заменил нарастающий шум, появившийся из системы вентиляции сначала на уровне инфразвука, но стремительно набиравший обороты.

– Все, пришла... – промолвил начальник, снимая фуражку и как-то весь словно сдуваясь.

– Наша смерть? – неуверенно поинтересовался старпом.

– Хуже... – начальник не успел договорить.

Вентиляционная решетка с оглушительным шумом вылетела из пазов крепления и из шахты показалась что-то мелкое, перепачканное в пыли и паутине, и с криком «Йеху!» – повисло на шее застывшего столбом и закатившего глаза к потолку начальника.

– Хуже, старпом, намного, хуже! – пытаюсь высвободиться из захвата и отодрать от себя это оружие массового поражения прохрипел опомнившийся командир. – Ко мне дочь внучку на зимние каникулы отправила.

Свадебная малышка

*Все мы – чьи-то упущенные возможности.
Из размышлений несостоявшегося жениха.*

Она

– Тебе цианистый калий с молоком или без? – участливый голос Ольги, соведущей и подруги в одном лице, не дал Лие окончательно погрузиться в царство Морфея. А так хотелось.

Пиликнул наручный браслет, и автоматически развернувшееся виртокно сообщило, что сейчас пять часов утра по земному времени. «Сработал будильник», – машинально отметила Лия, мазнув пальцем по экрану и отключив звук.

Немилосердно клонило в сон. Это было и немудрено – после двадцатидвухчасового марафона, именуемого свадьбой Марго Винсен. Невеста на этот раз попалась мерзопакостная, со вздорным нравом и мнением, что она-то лучше всех свадебных организаторов с многолетним стажем разбирается в тонкостях проведения торжества. Чего только стоило облегающее и почти прозрачное мини-платье, которое поначалу выбрала невеста (это при ее-то ста двадцати килограммах весу)? Кружевная сорочка по сравнению с ним могла считаться одеянием монашки. Лия еще раз глубоко вздохнула, вспоминая подготовку к мероприятию, и мысленно перекрестилась, поражаясь, как ей все же удалось из этого вертепа сделать приличное торжество. Но на то она и высококлассный специалист, получающий за свое умение немалые деньги. На кои, к слову, эта самая Винсен не поскупилась. Последняя мысль хоть как-то примиряла Лию с мерзопакостным ощущением, оставшимся после окончания свадьбы.

Ольга еще раз напомнила о себе, постучав ложечкой о край чашки.

– Ау! Марс вызывает Венеру! Джигерия, проснись.

Лия рассеянно посмотрела на банкетный зал, напоминавший больше руины базы Альянса после штурма, нежели интерьер элитного ресторана, на враз как-то осунувшихся официантов, мельгешащих роботов-уборщиков. Администратор зала сонно тыкал в кнопки пульта, отчего столы на гравииоподушках неспешно выстраивались в новом порядке. Видимо, завтра здесь будет проходить очередное торжество.

Глядя на все это, Лия еще раз убедилась, что свадебный бизнес – это адский труд, помноженный на тонну лицемерия. Хотя для обывателя те, кто занимается организацией подобных торжеств, представляются этакими лоботрясами, гребущими лопатой немалые электронные единицы за пару звонков да несколько слов, сказанных в микрофон перед началом банкета. Поначалу Лия еще пробовала оправдаться в глазах таких вот завистников, но потом плюнула на это неблагородное дело. Пусть остаются в блаженном неведении, считая, что ей просто сказочно везет. Про ночи без сна, проведенные за составлением сценариев, дизайнерскими проектами, дни, когда не успеваешь выпить даже чашки кофе, репетируя с актерами и музыкантами, обсуждая идею фотопроекции и виртклипа, про тысячу и одну мелочь, которые незаметны в подготовке торжества, но бельмом на глазу вылезают, как только прозвучат звуки фанфар – про все это говорить бессмысленно. Многие видят в работе организатора лишь конечный результат, не подозревая о кропотливой подготовке, что предшествует всей этой красивой мишуре.

Чашка горячего напитка, насильно-таки всунутая Лие в руку, обиженно звякнула оставленной в ней ложечкой, напоминая о себе.

– Цианида маловато, – вынесла вердикт дегустатор, наконец-то выпив несчастный кофе.

– Джигерия, наглости тебе не занимать, – беззлобно прокомментировала Ольга.

– Чем и горжусь, – не осталась в долгу оппонентка.

– Пошли по домам, гордая, завтра в девять утра встреча с клиентом. Надо выглядеть соответствующе.

Утро у Лии выдалось тяжелым и безрадостным, можно даже сказать, с мазохистским душком. А как иначе? Организм яро сопротивлялся желанию добиться от него пробуждения и адекватных действий после часового сна, на который таки расщедрилась хозяйка. И это спустя сутки почти активного бодрствования. Результатом неравной борьбы сонливости и природного упрямства стали два разбитых мимо сковородки яйца, после которых Лия плюнула на попытки позавтракать чем-то горячим.

Сомнамбулой Лия запустила кофемашину. Впрочем, свежесваренный напиток помог взбодриться. Правда, не будучи выпитым, а пролитым на ногу. Но разбудил же! Окончательно

проснувшись, но от этого не менее злая, Джигерия начала собираться. Она тихо ненавидела именно эту часть подготовки к встрече с будущими заказчиками. Выглядеть надо было и представительно (причем, чем беднее молодожены, тем у них почему-то строже требования к «солидному фейсу» организатора), и слегка игриво (а как же иначе – вы обещаете организовать веселое и незабываемое торжество, а сами даже не в состоянии завлечь и развлечь в простом разговоре?), и свежо (молодость и здоровый вид обязательны, даже если при этом зверски болит спина и вырубает в сон), а еще – являться чутким психологом и ходячим калькулятором. Лия всегда в такие моменты чувствовала себя товаром, выставленным на продажу. К ней приценивались, разглядывали, кривясь и как бы вопрошая: «Почему ваши услуги настолько дорого стоят? Вы же ничего ТАКОГО не делаете? Организовать торжество может любой». И начинали торговаться не хуже бабок с кульками семечек на архаичном базаре, выключивая скидки на каждую мелочь. В такие моменты хотелось плюнуть и предложить действительно сделать им все самим и не трепать нервы понапрасну. Впрочем, попадались и ребята, с которыми душа пела. Смелые, не боящиеся нетривиального подхода в оформлении и ведении торжества, не жмотящиеся по ерунде и адекватно воспринимающие советы профессионалов. Такие пары Лия искренне любила и помнила их свадьбы в деталях. Искренне радовалась, когда узнавала, что ее «женатикам» разрешили завести ребенка.

С появлением чада в семье на Земле сейчас часто возникали проблемы. Правительство не препятствовало пополнению только в том случае, если оба родителя нормалы, а если же хотя бы у одного из них обнаружено наличие доминантных интронных генов (а по-простому – недомутантных), то тогда требовалось разрешение органов социального генетического контроля населения. И родить можно было не больше одного ребенка. Поэтому часто те, кто имел неидеальную ДНК и хотел завести большую семью, улетали с Земли на поселение в мелкие колонии.

Лия с грустью взглянула на свой браслет, срок чипизации которого почти истек. Нужно будет идти и опять проверяться. Она была тоже с «не совсем правильной ДНК». Нет, не мутант (таких сразу изолировали, и чем ярче проявление гена, тем жестче были меры этой

самой изоляции), просто с некоторыми особенностями генома, которые могут спровоцировать проявление мутантных признаков. У таких, как она, «спящие» зоны ДНК – интронные участки – были активны. Раньше считалось, что интроны нужны, только когда эмбрион развивается внутри матери, проходит стадии от ланцетника до *Homo sapiens*, а потом они ненужны и находятся в неактивном состоянии. Генный груз предков – как называли это ученые. Оказалось, что так происходит не у всех.

Иногда интроны становятся активны и после рождения – под влиянием агрессивной среды, экологии, наследственности. Внешне это проявлялось в «животном наследии»: у кого-то было нарушено цветовосприятие, у других видоизменялся эпителий, местами заменяясь чешуей или кожей, как у рептилий, некоторым счастливицам повезло стать обладателями хвостов или излишней волосатости.

Поначалу, когда такие случаи были единичны, правительство закрывало на них глаза. Но потом это стало случаться все чаще и чаще, и медики забили тревогу о чистоте человеческой ДНК. Начали вводить меры контроля, исследовать проблему. Оказалось, что природа неспособна выдержать нагрузок, заданных веком научно-технической революции. Теперь человечество пожинает плоды своей беспечности. Впрочем, Лие в этой лотерее невезунчиков достался вполне себе неплохой бонус от матушки-природы. Ее межпозвоночные диски были гораздо толще, чем у обычного человека. Для обывателя – наследие абсолютно бесполезное (не считая частых болей в спине), но для гимнастки – дар небес. Гибкость позвоночника увеличивалась в разы, и свернуться спиралью, подобно змее, когда-то для Лии было не проблемой.

Когда-то о Джигерии говорили как о перспективной, подающей большие надежды гимнастке. Пока на одном из соревнований она серьезно не повредила мениск. Все. Сломанная кукла, каких тоннами производит жестокий мир большого спорта.

Девушка грустно улыбнулась. Прошлое есть прошлое, от него не спрячешься даже в благополучном настоящем. Сейчас она организатор торжеств. Чипованная и вынужденная каждые пять лет проходить проверку на отсутствие прогрессивных мутантных изменений ДНК. Virtuозно организующая чужие свадьбы и в глубине души прекрасно

понимающая, что своих детей ей завести правительство Земли не позволит, дабы не усугублять «регрессивные изменения человеческого генофонда». А поэтому остается работать, работать и еще раз работать. Заниматься тем, что является и профессией, и хобби. Тем, что ненавидишь и обожаешь одновременно. Лия размышляла, а руки привычно накладывали макияж, заплетали волосы во французскую косу, вдевали в уши изящные сережки.

Браслет на руке Лии запищал, информируя хозяйку о пришедшем сообщении: «Не забудь, у тебя сегодня в 19.00 свидание. Я все еще не теряю надежды стать бабушкой».

Девушка прочитала и невольно улыбнулась – ее мама была неисправима. А малышка (именно такое прозвище Лия вынесла со времен спорта) уже давно не верила в чудеса. Правительство жестко контролирует рождаемость среди таких вот, как она, бракованных. Но, чтобы быть хоть призрачно-демократичным, существует программа подбора пар, как они ее называют.

Сразу после появления на свет данные всех, имеющих атипичную ДНК, отправляются в общепланетарную базу. Там все – начиная от веса новорожденного и времени взятия геномной пункции, до литературных предпочтений и первой эрекции. «Досье» на каждого постоянно пополняется. Правительство аргументирует это тем, что именно полные данные позволят жителям Земли с атипичной ДНК подобрать идеальную пару. Результаты таких «подборов» часто мелькали у Лии перед глазами. Любви в глазах подобных молодоженов, сведенных компьютерной программой, почти не было. Лишь обоюдное согласие терпеть друг друга ради общего ребенка.

Да, именно что терпеть, реже – дружить, а уж любовь среди таких пар была редким, краснокнижным, почти вымирающим зверем. И как иначе – правительство разрешало завести одного ребенка тем, кто имеет ненормальную ДНК, лишь в том случае, если семья полная, а геномы при скрещивании дают минимальную вероятность появления ребенка с бракованным геном. Не иначе. Слишком дорого оказывалось правительству содержать детей с явными отклонениями. Например, с синдромом стеклянной кожи, когда эпидермис порою от одного прикосновения отваливается целым пластом, или с пресловутым синдромом Дауна. В случае развода или гибели хотя бы одного из родителей, объединенных программой, ребенок попадал в приют. Как

же – вдруг у недомутантов чадо получится с нормальной ДНК, а вырастет в неполной семье. Пусть уж лучше о том, чтобы дите стало полноценным членом общества, позаботятся в детдоме. Игра в демократию, чтоб ей пусто было! А выселять без права возвращения за пределы Земли тех, кому не повезло в лотерее матушки – природы, и они, наивные, хотят иметь семью по любви, а не по микросхемам?

Лия бы тоже плюнула с небоскреба на эту программу, но мама... Хотя железная воля правительства в плане чистоты генома давала свои плоды – рост числа детей, рожденных с аномальной ДНК, за последние 25 лет значительно сократился, вот только и число счастливых семей уменьшилось.

«К черту демагогию и философию. Я живу, а буду жить еще и счастливо!» – про себя подумала Лия. Да, ей осталось совсем немного, время неумолимо приближало ее возраст к отметке тридцатилетнего рубежа, после которого участие в программе поиска партнера автоматически аннулировалось и, как не бейся ластами об лед, ребенка завести тебе не дадут. Банально не будут вынимать из живота капсулу, не дающую забеременеть, и все. Такие всем девочкам чуть ли не в семь лет имплантировали. Что уж делали мальчикам, Лия не знала, но как-то их тоже временно стерилизовали. Саму процедуру девушка запомнила надолго – ощущения неприятные. Причем не физическая сторона процесса, а эмоциональная. Словно в душу зашли в грязных сапогах, натоптали, а потом еще и наплевали. Именно так Малышка восприняла пояснения врача о том, что вынуть капсулу можно только в специальном центре, когда вырастешь, станешь взрослой и выйдешь замуж, или решишь навсегда иммигрировать с Земли. И никак иначе – попытка самовольного извлечения летальна, так как имплант расположен рядом с нервным узлом.

Вот так вот, спи с кем хочешь, но за кого выйти замуж, тебе укажет правительство. Футуристическое средневековье. Правда, в мрачные времена камня и железа это решали родители жениха и невесты, а не власти, хотя...

Лия усмехнулась, крутя на запястье браслет с чипом. Ее век милосерднее хотя бы тем, что каждому дается 5 попыток «построить семью». Пять кандидатов на выбор, с кем уж получится.

У Лии попыток было еще три, хотя все ее сверстницы по несчастью уже лет пять-семь назад повыскакивали замуж. Кто за

первую попытку, кто за последнюю. А ей все было некогда, все торопилась сделать карьеру, доказать, что спорт ее не сломал, что она еще на что-то, кроме брусьев, способна. Доказала. Стала.

А иногда, оставаясь ночами одна, Лия сдерживала себя, чтобы не завывать от тоски и одиночества. Сильная, успешная в бизнесе и одинокая. Порою, в безлунные ночи, когда ветер резвился в сети проводов, опутавших город, ей очень сильно хотелось, чтобы кто-то был рядом. Не просто приходящий любовник, а родная душа. Тот, кто поймет без лишних слов. Тот, кто позволит ей быть слабой. А еще хотелось детей и нормальной семьи.

Вариант – отправиться искать счастья на периферию. Может, Лия так бы и поступила, лет этак в двадцать. Но сейчас, насмотревшись на любовь истинную и мнимую, понимала, что там ее никто не ждет. А перейдя черту невозврата ради призрачной мечты, потеряет и то, что имеет сейчас.

«Идеалистка и дура – идеальная дура, – Лия мысленно проводила параллели. – Нет, все же если есть хоть призрачный шанс, стоит его использовать. С кем там моя маман назначила мне свидание?» – и девушка глянула в анкету потенциального мужа, с которым мать от ее, Лиино, имени вела переписку вот уже две недели.

«Рид Минос, программист, 25 лет. Род занятий – нейронные технологии. Ген, подлежащий контролю РЖН1 – отвечает за невосприимчивость к боли».

– Отлично, – вырвался смешок у Лии, – если этот парень проколет себе ногу гвоздем и не заметит этого, то может умереть банально от потери крови. И голода он никогда не чувствует, хотя... Здесь только о боли говорится, а голод – это не боль, наверное...

С голопроекции на нее смотрел веселый, веснушчатый и лопоухий парень, не вызывавший в Лие чувства, разве что сестринские.

У нее самой сестренка с таким же выражением лица часто зависает, погруженная в свои мысли. Слава Богу, ее младшенькая родилась нормалкой, безо всех этих генных заморочек, впрочем, как и оба ее родителя – носители правильных ДНК.

«Не думать, не думать об этом, надо просто подготовиться к встрече. Первое впечатление может быть обманчиво», – Лия пыталась убедить сама себя.

*Слеп не тот, у кого нет глаз.
Слеп тот, кто не хочет видеть правды.*

Из разговора следователей

Рид был жутко загружен. Сегодня – срок сдачи ежеквартального отчета. Только-только у них в лаборатории опыты сдвинулись с мертвой точки, только появились положительные результаты. Браслет на руке противно запищал, напоминая, что у него сегодня назначено свидание.

Вот черная дыра! Он совершенно забыл. Даже если сейчас бросит все и помчится на им же самим назначенную встречу – все равно не успеет. Что же делать? Отменять. Хорошо бы, но дата и время randevу уже занесены в программу. Его неявка означает отказ от потенциальной невесты и один упущенный шанс. Последний шанс.

Рид малодушно посмотрел в окно и решился. Брат часто его выручал, если нужно было чем-то помочь, в деловых вопросах, а вот с личными... Может, все же согласится подменить его на первом свидании, хотя с его специфической внешностью...

Брат Рида, Макс, был хоть и нормалом, но слепым. Не с рождения, вовсе нет. Когда-то он, завидный красавец, мог бы стать одним из лучших выпускников высшей школы правопорядка.

Гибель родителей, оказавшихся заложниками на корабле, захваченном космическими пиратами, слишком сильно повлияла на Макса. Парень наплевал на учебу, записался в космодесант и верой и правдой восемь лет гробил здоровье и силы как в самых горячих точках космоса, так и на захудалых терраформатах, где постоянно шли бои с теми же пиратами, да и просто с повстанцами.

Космофлот стараний не оценил и, после того как в одной из заварушек Максу выжгло напрочь сетчатку вспышкой плазмогранаты, выдал ему выходное пособие и право встать в очередь на операцию по протезированию глазных рецепторов.

Пособия хватило ненадолго. Может, оно и к лучшему. Максу не пришлось жалеть себя, сокрушаясь об инвалидности. Голову занимала

насушная проблема – как заработать? Слепой снайпер – то еще сочетание. Выручило тогда неоконченное образование. Макса взяли вторым помощником одного из аналитиков следственного отдела. Аналитикам, как оказалось, зрение не особо нужно – в голову, за ухо, монтируют разъем, который позволяет головному мозгу через штекер подключиться к ядру аналитической программы, и все – работают одни извилины, оценивая, сопоставляя потоки данных, выстраивая картину преступления из мелочей, на первый взгляд незаметных.

Мозги у Макса работали что надо, и зарплата со временем позволила сделать операцию по протезированию. Зрение в полной мере так и не вернулось – лишь очертания предметов. Но, как ни странно, флаер Макс водить мог, при подключении через штекер напрямую к камерам и бортовому компьютеру машины. Вот такая вот шутка судьбы.

Рид набрал на браслете номер брата:

– Макс, выручай, срочно нужна твоя помощь... – начал было младшенький, но характерный стон из динамика заставил усомниться парня в верности принятого решения.

– погоди, я сейчас выключу, не слышу тебя, – уверенный голос Макса в тишине прозвучал вполне отчетливо.

– Извини, я, наверное, не вовремя.

– Ну не то, чтобы совсем не вовремя...

– Но мне позарез нужна твоя помощь.

– Так, что случилось? – Макс, находясь за сотню километров от брата, напрягся.

Не так часто младшенький просил его об услугах, хотя бывало. Обычно когда влипал во что-то.

Просьба подменить его на первом свидании стала для аналитика полной неожиданностью. А он, только придя домой после тяжелого дня, решил расслабиться. Наслаждался приятным обществом рыжеволосой озорной красавицы, когда раздался звонок брата. Хорошо, что у милашки было одно преимущество перед двуногими – в хвостатую заразу можно было кинуть тапок, и она замолкала. Вот только у любимицы Макса, кошки по кличке Удача, был один недостаток. Она не мяукала, она...издавала весьма интригующие звуки. Хозяин подозревал, что сосед завидует ему по-мужски, когда в марте все ночи напролет из его спальни доносятся стоны, весьма

напоминающие характерные женские. Знал бы этот самый сосед, кто издает такие звуки!

Макс был убежденный холостяк, порой предпочитал общество хвостатой Удачи привычному женскому, хотя и последнего не чурался. Кошки честнее. Они хотя бы не врут в лицо, отворачиваясь и кривя губы, думая, что слепой совершенно ничего не видит. Но силуэты-то Лим различал.

– Ладно, выручу, но чтобы это было единственный раз.

Макс привычно на ощупь начал искать свитер.

Он не задумывался, что надеть и как будет выглядеть. Для него было главным сделать так, чтобы потенциальная невеста не развернулась, гордо хлопнув дверью, а дала его брату еще один шанс.

Сборы были быстрыми, хотя Удача вертелась под ногами, отвлекая и выпрашивая хозяйскую ласку.

– Хорошо, куплю тебе твою любимую рыбку, наглое создание, только не мешай, – теплота в голосе мужчины воодушевила хвостатую шантажистку, и кисяра, выгнув спину дугой, начала усиленно тереться о щиколотку в надежде увеличить размер «гонорара».

Удача не задирала морду вверх, пытаясь разжалобить выразительным взглядом. По опыту знала – этот трюк с ним не пройдет, а потому предпочитала именно тактику лапастий попросайки. И хозяин, и питомица прекрасно понимали, что это не более чем ритуал. Макс и так часто баловал свою любимицу вкусненьким, даже если изрядно пушистая киса не столь рьяно выражала свои чувства.

– Ааау! – Удача, похоже, смирилась, что к консервам сливок не прилагается, и уселась по центру комнаты.

– Вернусь через пару часов, не скучай! – мужчина привычно попрощался с рыжухой.

– Мяс, – услышал он в ответ. Это был еще один их ритуал.

Макс спустился на лифте на парковочный уровень и без раздумий двинулся к месту, где обычно оставлял свой аэрокар. В уверенном мужчине с абсолютно седыми волосами, черных очках, без трости или робота-поводыря трудно было заподозрить слепого. Скорее можно было предположить, что у идущего отсутствует вкус. Уж больно ядовитым был свитер: ярко – салатный с розовыми восьминогими оленями – этакий выкидыш вечно пищащей моды. Макс же до этой

крикливой дамы не было никакого дела, как и до цвета одежды, зато свитер был удобным и в меру теплым, что по нынешней весенней погоде было немаловажным. Он привык уже ориентироваться по размытым силуэтам, изображение которых давали глазные протезы, а детали... Логика и здравый смысл могут заменить зрение, хотя бы частично.

Макс приложил ладонь к сканеру, считавшему отпечаток, и дверца аэрокара отъехала в сторону. Когда он заказывал машину именно с таким замком, в салоне удивились: «Зачем нужна эта архаичная система? Угоны с ней по статистике происходят в два раза чаще – отпечаток-то проще снять, чем узор сетчатки глаза». Макс тогда ничего не ответил, лишь снял очки, и вопросы продавца отпали сами собой. Еще бы – вместо привычных белка и радужки со зрачком увидеть «рыбий» окуляр объектива, заполняющий всю глазницу.

Мужчина сел на водительское сиденье и, проведя рукой по приборной панели, нащупал штекер. Все. Мир обрел краски и четкие очертания – камеры аэрокара работали исправно. Вот только ощущения от картинки, проецируемой в мозг, были не те, что от увиденного собственными глазами. Не было в них глубины и свободы, той свободы, которая присуща лишь человеческому глазу. Так бывает – ты еще только думаешь повернуть голову в сторону звука, а глаза уже сами смотрят в этом направлении. И ты ощущаешь себя частью мира, в котором находишься. При подключении к камерам было все иначе – приходилось подавать мысленный запрос для того, чтобы изменить угол обзора. В такие моменты Макс ощущал себя тем, кто подсматривает мир через замочную скважину. «И так стодится», – в который раз решил для себя бывший снайпер.

Мотор заурчал, разгоняя по коллайдеру кларки, и мужчина вдавил педаль в пол. Лим предпочитал ручное управление модному автопилоту. Просто по военному опыту знал, как ненадежны бывают программы в экстремальных ситуациях.

Кар резко стартовал с места, ювелирно вписавшись в еще не до конца разъехавшиеся створки парковочного шлюза, и влился в воздушный поток. Несколько минут, и машина резко ушла свечой в верхние слои движения, туда, где водители предпочитали полет на высоких скоростях. Время Макса уже поджимало.

Она

Первое свидание иногда напоминает переговоры с террористом: доброжелательным голосом так же со всем соглашаешься.

Из опыта профессионального Альфонсо

Лия выстукивала короткими коготками замысловатый ритм по столешнице. Девушка усмехнулась, глядя на свой минималистический маникюр. Она не понимала как прежней повальной моды на длинные ногти-стилеты, так и нынешней, когда специально наращенный акрил стали заворачивать на конце пальца в трубочку. «Прямо как недоразвёрнутый палас», – мелькнула непрошенная мысль в голове у девушки.

В кафе Джигерия пришла на пять минут раньше назначенного срока. Прямо как на деловую встречу, а не на свидание. А вот кавалер опаздывал, и уже изрядно. Она еще раз осмотрела зал. У входа показался какой-то седой мужчина, в темных очках, но это никак не был тот, кого она ожидала. Хотя черты лица были чем-то похожи на того рыжика с голографии. Официантка, подошедшая к посетителю, что-то у него спросила, профессионально улыбаясь. Вот именно из-за этих официанток Лия и выбрала «Сытого папу» – одну из немногих кафешек, где еще сохранилось живое, а не андроидное обслуживание. Лия почему-то с детства не любила эти машины с имитацией суррогата чувств. Может, потому, что на обычный, казалось бы, для человека вопрос: «Круассаны свежие? Вкусные?» машина выдавала дату и время выпечки, а на «вкусные» милым женским голосом из динамика доносилось: «Затрудняюсь ответить. Уточните параметры вопроса». А с живым человеком и ответа ждать не надо. Достаточно на лицо посмотреть – поджала губы, вздохнула, отвела взгляд или ответила чуть быстрее обычного – скорее всего, у булочек есть «сюрприз», не заметный для потребителя на первый укус, но все же. А вот если отвечает «открыто» – понимаешь, что тебе принесут именно то, что ожидаешь. Официантка меж тем направилась к столику Лии. Следом за ней шел тот самый седой.

– Пожалуйста, сюда, – девушка в униформе показала на столик и услужливо положила еще одно меню на свободное место напротив Джигерии.

– Большое спасибо, – в мягком, спокойном голосе мужчины сквозила какая-то усталость и тоска. – Я сообщу вам, как только определюсь с заказом.

«Любезничает или просто вежливый?» – невольно подумалось Лие. Она уже машинально начала рисовать в уме портрет визави. Такая уж у нее была привычка – составлять мнение о человеке по деталям. Жест мужчины, на который обычный наблюдатель не обратил бы внимание, – седой сначала положил руку на угол, а потом провел ладонью по ребру столешницы. Пальцы его наткнулись на меню, которое он даже не взял в руки. Да еще эта несуразная одежда, очки... Хотя, опять же, уверенные движения, нет «помощников», характерных абсолютно незрячим. Головоломка у Лии сложилась в тот самый миг, когда пришедший посмотрел на нее через очки. Вместо заготовленного приветствия девушка произнесла:

– Если вам неудобно в очках – снимите, протезы меня не смущают. Думаю, ваш младший брат не требует от вас ношения ширмы на глазах, и мне тоже этого делать незачем, – на лице девушки гуляла печальная улыбка. Она протянула руку через стол и представилась: – Зовите меня просто Лия.

– Хорошо, тогда вы меня – просто Макс, – седой улыбнулся и стянул очки. Они его действительно порою раздражали. – Думаю, о том, что я старше братца, и так понятно. Разница в возрасте у нас больше, чем пара лет, – тут мужчина почесал затылок, – а сходство фамильное все же присутствует. Но про протезы – вы первая так с ходу меня раскусили. Многие теряются.

– Я, признаться, тоже. Нет у вас «поводырей», а это сбивает.

– Но вас же, Лия, не сбило.

Его «Лия» было произнесено так обыденно – уютно, словно они давние знакомые.

– Просто профессиональная привычка, – замечать не только очевидное, но и детали. Макс как-то грустно усмехнулся, словно давно знакомый афоризм услышал.

– Итак, раз пришли вы...

– Давай на «ты», – Макс перебил девушку, – давай просто на «ты», у нас же не официальная встреча на высшем уровне, а простое знакомство.

– Хорошо, – Лия вздохнула. – Раз ты пришел вместо своего брата, то тебе придется отвечать на мои вопросы за него.

Седой кивнул, соглашаясь.

– Думаю, мне вначале стоит прояснить, почему все так получилось, чтобы у тебя не сложилось превратное мнение о моем братце.

Джигерия, от которой не укрылся оттенок, с которым было произнесено это «братце», договорила за Маска:

– Так и тянет добавить: «раздолбае»?

– Верно, – Макс хохотнул. – Младшенький – такой. В том, что касается науки – он гений, а вот по жизни...

– А ты не стремишься показать Рида в выгодном свете, – девушка подначила собеседника.

– Зачем обманывать и обманываться? Я могу превозносить этого раздолбая до небес, но при первой же с ним личной встрече ты поймешь, что все сказанное мною сегодня – фальшивка, и разочаруешься в парне, не пожелав узнать его поглубже. А у братишки это последний шанс, – Макс выдохнул и после короткой паузы продолжил. – Я не оправдываю младшего за то, что он не смог сегодня прийти, просто хочу объяснить, какая сложилась ситуация.

«Может, и лучше, что пришел этот Макс. На втором первом свидании с этим Ридом Миносом я хотя бы не буду так волноваться. К тому же анкеты анкетами, а вот заранее пообщаться с тем, кто в перспективе может стать твоим родственником, тоже стоит», – рассудила Джигерия.

– Расскажешь о Риде? – вроде бы обычный вопрос, который задала Лия, заставил мужчину улыбнуться.

– Что именно? О его работе, которая еще и хобби... Он с упоением расскажет тебе и сам. Так заболтает, что будешь думать, как его остановить, – в голосе седого сквозила особенная теплота. – Может, тогда о том, какой он?

– Было бы неплохо.

– Мой братишка немного чудак, как и все ученые. Жаль только, что геном у него неидеальный, – Макс замолчал, вертя в руках

планшет с трехмерным изображением проекции запеченной куриной грудки – заказ они так пока и не сделали.

– Иногда я жалею, что природа не поменяла нас местами, – о сказанном мужчина тут же пожалел.

А девушка сидела, внимательно смотрела на него и словно понимала недосказанное. Наконец она озвучила повисшие в воздухе слова:

– Потому что на себе ты поставил крест, а поиск пары для Рида ограничен?

– Да, – Макс был поражен, как точно эта девушка считывает его эмоции. – Знаешь, брат заслуживает счастья, и мне кажется, что именно ты сможешь сделать его счастливым.

– Почему? – вопрос вырвался у Лии помимо ее воли.

Она не кокетничала, напрашиваясь на комплемент. Просто в этом незрячем она чувствовала родственную душу, и ей хотелось с ним говорить. Искренне. Обо всем и ни о чем.

– Ты умеешь не только слушать. Ты умеешь главное – понимать услышанное. А семейное счастье зачастую основано не на страсти, а на понимании и уважении.

– В твоих словах горечь личного опыта.

– Есть немного.

Официантка ненавязчиво маячила на заднем плане, за спиной Макса, давая понять, что пора бы уже определиться с заказом. Лие было жаль разрывать эту атмосферу странного, но удивительного разговора, от которого веяло... Чем? Теплом вечернего костра, шуршанием дождя, барабнящего по крыше, скрипом кресла-качалки, когда сидишь, укрывшись пледом... Но наши желания, сталкиваясь с действительностью, уступают натиску реальности.

– Надо сделать заказ.

– Я полагаюсь на твой вкус, – казалось, Макс тоже испытал разочарование.

Лия сделала знак, что они определились с выбором. Официантка подошла, и Джигерия озвучила:

– Два тирамису и два чая.

Ничего сложного девушка заказывать не рискнула. Она не знала всех особенностей быта таких, как ее собеседник. Вдруг закажешь речную форель, а Максиму неудобно будет выбирать из нее кости?

Официантка, разочарованная столь скудным заказом, поджав губы, развернулась и ушла.

– Так на чем мы остановились?

– На горечи, – подсказал Макс. Сегодня он сам себе удивлялся. Вроде бы должен был рассказывать ей о брате, а гляди ж ты, за столько лет ему впервые захотелось выговориться. – Я тогда был на последнем курсе. Перспективный, почти специалист, красавец, – здесь он горько усмехнулся, – и был влюблен. А кто в двадцать не влюблен? Аврора была, – собеседник замялся, подбирая слово, – премиленькой. Но мне тогда она казалась идеалом. Даже жениться хотел. Кольцо купил. Днем и ночью о ней думал. А потом родители погибли, и я словно с катушек съехал, служить рвался. Аврора тогда меня поставила перед выбором – или она, или служба. Но я уперся рогом – в космофлот. А она понять не захотела. Сначала рвал и метал, но заявление в армию все же подал. Лишь спустя пару лет осознал – ничего хорошего у нас бы с ней не вышло. Она хотела все делать по-своему, не считаясь со мной, не желая слушать меня и понимать. А я, ослепленный страстью, этого просто не замечал.

– И что стало с Авророй? – Лия понимала, вопрос бестактный, но и беседа у них сегодня какая-то не такая, поэтому можно.

– С Авророй... Она удачно вышла замуж и сейчас командует Кимаром. Кстати, моим другом. Он порою приходит ко мне попить пива и жалуется на семейную жизнь, пеняя, почему я не женился тогда, – тут Макс усмехнулся. – Вот так вот я на собственном опыте убедился – страсть пройдет, а вот понимающего человека встретить – это большая удача. А Рид... У него всего одна попытка осталась. Мне же хочется помянуть племяшек, – и без перехода седой добавил: – А теперь твоя очередь. Расскажи о себе.

– Особо и нечего, – Джигерия пожала плечами. – Генем корявый – матушка природа решила, что мне просто жизненно необходимы очень широкие межпозвоночные диски. Для гимнастики это оказалось хорошо. Но только ни одна гимнастка от травм не застрахована. Вот и я на тренировке, выполняя один из элементов на брусках, сорвалась. Перелом. Штифты в спине...

Девушка замолчала, как будто заново переживая события далеких дней. В этот раз Макс решил нарушить тишину:

– Значит, мы оба лично знакомы с господином лазерным скальпелем?

– Выходит, что так.

В этот момент подошла официантка, ставя на столик два пирожных и чай.

– Спасибо, – сказал Макс, повернувшись к ней лицом.

Официантка вздрогнула, увидев его импланты. Когда она отошла, собеседник, предвосхищая реплику девушки, пояснил:

– Я уже привык. Знаю, как на меня реагируют.

– Зря ты поставил на себе крест, – произнесла Лия безо всякой связи с предыдущим разговором и потом пояснила: – Ты тоже умеешь понимать без слов. Уверена, ты встретишь еще свое счастье.

Макс на это ничего не ответил. Во рту у него неожиданно появилась горечь. Почему он не встретил эту девушку раньше? Но она – шанс брата. Пусть хоть у кого-то из них сложится счастливая семейная жизнь. Он решил сменить тему:

– А ты чем занимаешься?

– Организатор торжеств, – Лия повертела в руке ложечку, словно в раздумьях: начать ли работать десертным Джеком Потрошителем, или пусть пирожное еще поживет?. Решила, что пока все же есть не хочет. – А если точнее, то свадебщик.

– Значит, даришь людям счастье?

– Ну как – счастье, скорее – один день. День, о котором невесты мечтают с детства, а многие женихи считают головной болью. А ты чем занимаешься?

– Я – наоборот.

– Это как? – решила уточнить Лия.

– Это так, что моя работа связана с не самой привлекательной стороной бытия – убийства. А точнее – расследование. Я анализирую собранные искомом данные по преступлению и пытаюсь вычислить если и не самого преступника, то хотя бы определить направление, в котором следует работать, чтобы найти убийцу. Таких, как я, называют аналитиками. Подключаюсь к программе, в которую загружена вся информация по делу – от трехмерных изображений места преступления до улик и опросов свидетелей, данных с камер видеонаблюдения, досье убитого.

– Значит, ты – что-то вроде совершенного компьютера?

– Можно и так сказать.

За окном вечер скребся в стеклопластик прощальными лучами закатного солнца. Лия поймала себя на мысли, что время пролетело непозволительно быстро. Ей хотелось еще посидеть. Просто помолчать ни о чем.

– Давай провожу тебя. Раз я сегодня за братишку, то и эту его почетную обязанность выполню.

На слабый протест девушки седой даже не отреагировал. Только надел очки. Лия жестом попросила подойти официантку. Хотя в большинстве кафе оплата производилась с браслета сразу же после заказа, но тут все было по старинке – и в этом была своеобразная прелесть. И неважно, что официантка приносила всего лишь символический терминал, к которому нужно было поднести браслет. Сам факт, что к тебе подходит живой человек...

Макс, хоть и был почти незрячий, когда подошла официантка, первым ловко подставил браслет. Джигерия даже возразить ничего не успела.

– Дай хоть чуть-чуть почувствовать себя джентльменом и поухаживать за дамой, – с этими словами он обошел стол, вставая за спиной у девушки и помогая отодвинуть стул. Джигерия, привыкшая все делать самостоятельно, встала чуть поспешнее, чем следовало, и их лица оказались настолько близко, что можно было почувствовать дыхание друг друга. Макс поднял руку и провел по скуле девушки. Лию словно током ударило от этого прикосновения. Визави тут же отвел ладонь. Больше себе таких вольностей он не позволял.

Конечно, с «проводить до дома» Макс погорячился. Когда двое вышли из кафе и направились к стоянке, оказалось, что их кары припаркованы рядом.

Макс и Лия рассмеялись.

– Может, просто прогуляемся по улице?

– С удовольствием, – сегодня Лие хотелось соглашаться.

Так они и бродили по улицам, беседуя о ерунде и о работе, о воспоминаниях детства и о мечтах. Накинутый на плечи свитер Макса и небо, звезды которого затмевают диоды рекламы...

Когда они вернулись на парковку, шли первые секунды нового дня. Лия скинула с плеч свитер, передавая его Максиму. Ей отчего-то было грустно, не хотелось прощаться.

– Спокойной ночи, – в мягком голосе мужчины были нотки горечи.

– Спокойной.

Девушка повернулась спиной и направилась в сторону своего кара.

Макс еще долго смотрел ей вслед. Он уже понял – сегодня ночью ему уснуть не удастся. У него в ушах все еще звучал голос этой удивительной девушки.

Лия резко стартанула с места, свечкой уходя в небо. Она выжимала из движка все, как будто так можно было улететь от собственных мыслей. В ночном небе след от трека ее кара был как росчерк пера, словно девушка ставила решительную подпись. Вот только под чем... Если бы она сама точно знала. Мысли в ее голове были, как непрошенные гости, засидевшиеся допоздна: уже надоели, и не было никаких шансов от них избавиться, лишь дожидаться, когда сами захотят уйти. А все этот Макс... Джигерия горько улыбнулась своему фатальному невезению. Почему именно этот седой слепец, почему он? Нет бы вместо Рида на сведение пришел... Да кто угодно пришел, но не Макс. Потому как сегодняшний собеседник ей понравился, а этого допускать нельзя было ни в коем разе. Как планировать свою дальнейшую жизнь с одним из братьев, и знать, что тебе по душе другой? Кто-то, конечно, и так сможет, но самой себе Джигерия врать не привыкла.

На следующее утро, только проснувшись, она увидела сообщение от несостоявшегося кандидата в женихи. Рид извинялся, просил прощения и молил о свидании. Лия горько усмехнулась и хотела ответить отказом, но потом все же решила, что стоит все объяснить при личной встрече. Все-таки некоторые вещи стоит говорить только глядя в глаза, чувствуя собеседника. В сложившейся ситуации не было ничьей вины. Просто Лия себя знала. И понимала, что лучшее из решений – ей удалиться. Не вставать между братьями, ведь для Рида она – упущенный шанс на счастливую семью. А какое может быть счастье, если ей самой понравился – да что уж говорить «понравился», кажется, чего с нею давно уже не случалось, она влюбилась с первого знакомства в этого Макса. И если им продолжать общаться – а это произойдет непременно, они же с Ридом братья – то это случайное увлечения превратится не в любовь, а в разбитое сердце. А

последнего Лия для себя не хотела. Рано или поздно, но все вскроется, и тогда... Есть то, что мы изменить можем, и есть то, что изменить не в наших силах. Главное, уметь отделять одно от другого, и Джигерия, увы, это умела. А потому, быстро набрав короткий ответ, поспешила на работу. Личная жизнь, конечно, штука хорошая, если в ней все гладко, но Лия была профессионалом своего дела. А потому, спрятав так и не пролитые слезы, отчего ее взгляд стал загадочным, чуть печальным, с поволокой тайны, надев улыбку, словно новое платье, решительно вышла из дома навстречу новому дню.

Женщина, как хищница, подчиняется только сильному мужчине. Слабого она подчиняет сама.

Из наставлений профессиональной тещи

Макс был зол. Не просто зол, а в бешенстве: вчера Лия показалась ему замечательной девушкой, той, которая стала бы замечательной женой его брату. Умная, не витающая в облаках, понимающая. Ему осталось лишь позавидовать брату – последний шанс и такая удача.

А сегодня в обед Рид позвонил. Сдержанный, механический голос младшенького из динамика браслета сообщил: «Спасибо, но зря я вчера тебя сдержнул. Она отказалась от возможности союза со мной». На все расспросы: почему? Чем она аргументировала отказ? А если... Брат предпочел отмолчаться.

И вот сей час Макс с остервенением жал на кнопку звонка. Квартира Лии долго хранила молчание, но упертый аналитик не отступал. Наконец в недрах жилища послышался слабый шум.

– Открой, трусиха! Я знаю, что ты здесь. Нам нужно поговорить, – и он ударил кулаком по дверному полотну.

Панель отъехала и на пороге появилась Лия. В махровом, выцветшем халате, растрепанная и какая-то осунувшаяся.

– Хороший способ вызывать на переговоры: орать и долбиться кулаками...

– Я думал, что вчера мы расстались если не друзьями, но хотя бы... – Макс задохнулся от избытка чувств. – Скажи, зачем ты отказала Риду, даже не попытавшись его узнать? Зачем? У него это была последняя попытка создать семью.

– Заходи, думаю, не стоит говорить о таком на пороге.

Макс молча последовал за девушкой, которая уверенно, повернувшись к нему спиной, пошла внутрь.

В гостиной Лия, сев на кресло, тяжело вздохнула:

– Прости за Рида. Но... я не захотела, чтобы он всю жизнь страдал. Нельзя построить нормальную семью, жена в которой будет любить другого.

– О чем это ты? – Макс, сидевший напротив Малышки, напрягся.

– Какой же ты дурак, хоть и аналитик, – вздохнула Лия, – вчера меня угораздило влюбиться. Причем в тебя!

Последние слова она почти выкрикнула, обняв себя за плечи. Лия сожалела о сказанном, и в то же время с облегчением выдохнула: призналась и самой себе, и Максу. Выдохнув, не глядя на собеседника, чтобы не растерять решимости, продолжила:

– Я решила, что мое согласие – подлость по отношению к Риду. Да и ребенок вправе иметь счастливую семью и любящих друг друга родителей.

– Я... мое... – резко перебил Джигерию Макс, сидевший напротив и напоминавший скрученную до предела пружину. – А меня ты спросить не удосужилась?

– О чем? – на этот раз Лия от такого напора растерялась.

– Хотя бы о том, что ты мне тоже не безразлична.

Плечи Малышки задрожали, а из горла вырвался какой-то истеричный смех:

– Мы двое сумасшедших, абсолютно ненормальных... и даже признание у нас такое же... Никакой романтики, зато злости и досады хоть отбавляй...

Она не успела договорить, а Макс, стремительно поднявшись с кресла, подошел к ней и, неуклюже наклонившись, поцеловал. Жадно. Стремительно. Словно крадя мгновения счастья у судьбы.

А Лия отвечала на каждое прикосновение, каждый вздох. Открыто. Отчаянно.

– Ты выйдешь за меня замуж, – не вопрос, утверждение, прозвучавшее в тишине квартиры, заставило Лию удивленно взглянуть на склонившегося над ней Макса.

– Но...

– Буду считать это положительным ответом.

«Он сумасшедший. Мой любимый сумасшедший», – подумала Лия и уже сама поцеловала Макса.

Месяц спустя

Андроид монотонным голосом зачитал имена брачующихся:

– Согласны ли Вы, Лия Джигерия, взять в мужа Рида Миноса?

Невеста в брючном костюме светло-голубого цвета смущенно улыбнулась:

– Да.

– А Вы, Рид Минос, берете в супруги Лию Джигерию?

Жених кивнул седой шевелюрой и хрипло ответил:

– Согласен.

Бездушная машина, которую не смутило то, что жених в темных очках и выглядит старше своего паспортного возраста, невозмутимо зафиксировала брак.

Когда молодожены вышли из комитета регистрации браков и сели в аэрокар, внутри их с бокалами шампанского поджидал Рид. На его веснушчатом лице плясала довольнящая улыбка: брат наконец-то встретил ту, которая бы его понимала с полуслова, а сам Рид – возможность жениться на любой девушке, правда, под именем Макса Миноса.

* * *

Через девять месяцев в электронном реестре появилась запись: Николас Минос, вес 3254 гр, рост 51 см. Генетическая карта отклонений не имеет.

Когда танцуют снега

Затяжная осень все никак не заканчивалась. Она, пришедшая в выселок, стоявший на пограничье Озерного края, едва заалели рябиновые гроздья, сначала танцевала по улицам в золотом кленовом платье. Потом вальсировала по тротуарам с охрой осины и дубовым опадом цвета коньяка, а когда надежно укрыла землю листвой, то принялась плакать о своей нелегкой доле.

И чем дальше, тем осенние слезы были все горше, а их самих – все больше. Вот и сейчас она стучалась в слюдяное окно дождем, а в вытяжной трубе пели заунывную песню застенчивые духи ветра.

Вивьен, откинув тугие льняные косы назад, выпрямила спину, взяла в руки ступку и начала растирать в чаше кашицу из листа бузины. Как уверял дланник на проповеди в конце той седмицы, сегодня должен был быть первый день зимы. Но то – слова слуги Пресветлого. А на деле – осень не торопилась уступить свои права.

Так уже было всегда, сколько Вивьен себя помнила. Праздник белого снега остался лишь в сказках стариков. Те, пригревшись у печей, рассказывали о белых пушистых сугробах, узорах инея на морозном стекле, о ярких звездах и морозе, что заковывает реки в хрустальные берега.

Увы. Нынешняя реальность была такова, что осень из золотой превращалась в слякотную, с дождями и белой крупой, что таяла, не успев улежся на землю. Оттепели сменялись морозами, но земля оставалась голой.

Вокруг царствовал холод, простуды, теплые кушаки и серость. Серое небо. Серая земля под ногами. Даже воздух был словно пропитан этим цветом.

И так до весны, когда с березнем в выселок приходили грозы, и в гости начинал заглядывать южный ветер.

Вивьен передернула плечами, поправляя начавшую сползать шаль. Сегодня она не пожалела дров на прокорм огня в печи: уж больно в их травной лавке было холодно. Да и заходили сюда сейчас постоянно: то за настойкой от кашля, то за порошками от ревматизма, то за отварами, что сбивают жар. Дверь то и дело отрывалась, впуская

новых посетителей, то закрывалась за их спинами, когда очередной покупатель, ухватив лекарство, спешил покинуть лавку травницы и ее внучки.

Старую знахарку, старуху Ульрик, в городишке побаивались и предпочитали обходить стороной ее дом, что приютился на отшибе. Но несмотря на то что, глядя на сгорбленную травницу, в кармане сворачивали кукиш, ее уважали. Потому что побаивались и знали: придет зима и некому, кроме старой карги, будет вылечить горожан.

Лекарские пилюли были бессильны против настоящей хвори. Местному аптекарю хорошо удавались лишь розовая ароматическая вода и средства от запора, в чем горожане имели счастье не раз убедиться. И даже если на этикетке значилось, что лекарство от головной боли, все равно оно благоухало розами, а действовало... Нет, от проблем с мигренью оно отчасти тоже избавляло, поскольку принявший его был озабочен перманентным поиском милой будочки и о головной боли просто забывал...

В итоге на старую знахарку хоть и косились, но ни у кого и мысли не было отправить на костер. А вот Вивьен, приемышу «ведьмовки», как за глаза величали Ульрик, было в разы тяжелее. Девушка была красива и молода. И этого уже достаточно для зависти соседок и вывернутых шей парней, когда Ви шла по базару. Добавить к этому гордый прямой стан и отсутствие привычки лебезить перед теми, кто богаче...

К Вивьен в дом травницы, что соседствовал с ее лавкой, сваты приходили уже не раз. И сын кузнеца, чьи пудовые кулаки гнули подковы, и начальник стражи – молодой вдовец с рассеченным шрамом лицом, и купчишка, что решил: хватит мотаться по трактам и надобно уже остепениться. Всем приглянулась тонкий стан и красивый лик беловолосой.

Ви лишь качала головой и каждому отвечала отказом. Она не понимала, как можно прожить всю жизнь с тем, к кому не чувствуешь ровным счетом ничего. А еще хуже – если хочется отвернуться от лица супруга.

– Так в девках одна и прокукуешь, – как-то раз сварливо проворчала Ульрик, когда за очередными сватами закрылись двери.

– Почему же одна? – удивилась Ви. – У меня есть ты, а еще Гарш. С этим усатым прохвостом веселее, чем с любым из женихов.

Кот, оторвав морду от миски с молоком, польщенно мурлыкнул:

– Эх, Ви, Ви... Совсем ты как Снежница...

– Что за Снежница?

И Ульрик рассказала тогда ей одну из легенд озерного края.

Шаль с Вивьен все же сползла, и девушке пришлось оторваться от дела. Она отложила ступку и, перехлестнув концы беглянки на груди, заткнула их за пояс. А потом вновь приступила к работе.

Почему-то сегодня, когда старуха Ульрик, приболев, грела кости на печи в их доме, а Вьвьен хозяйничала в лавке, среброкошая вспомнила легенду, что рассказала ей названная бабушка.

А легенда была красивая...

Когда-то давно Хозяин золотых листьев увидел танец Снежницы. Она вальсировала по стылой земле в хороводе пушистых снежинок. И влюбился. Влюбился настолько, что не мог оторвать взгляда от зимней красавицы.

Но владыка осени был суров и властен. Он, в отличие от ласкового Летня или озорной Весенницы, не привык просить. Только брать и завоевывать, покорять. Заслышав размеренную поступь Хозяина золотых листьев, пугливый черноокий Летень спешил уступить ему дорогу или откупиться щедрыми дарами.

И вот впервые Владыка осени не знал, как поступить. А снежная красавица, завидев рыжеволосого воина в доспехе с позолотой, лишь рассмеялась. И решил Хозяин золотых листьев, что эта дева непременно станет его. Собрал он подарки, да и отправился сговариваться с отцом Снежницы, седым Бураном.

Отцу среброкошой по нраву пришелся суровый рыжий воин, чтящий родителей и старый уклад, когда наперед благословения родительского просят, принял он дары жениха. Да вот только Снежница осерчала и на отца, и на рыжего, что согласия самой невесты не спросили. Хоть и понравился ей Хозяин золотого листа, но гордость превыше оказалась.

Мотнула среброкошая головой, ударила каблучком о тонкий лед под ногою, обернулась метелицей и была такова.

Буран, видя такое дело, покачал сединой, махнул рукой, да и решил: пока Владыка осени согласия от самой Снежницы не получит – не бывать свадьбе. А чтобы чувства молодых проверить, пусть рыжий воин узнает свою суженую в обличье земном, памяти о прежней жизни

лишенную. Если приветит деву снежную среди тысяч смертных, да сладят, то благословит Буран тогда их союз, а нет... дитя свое неволить не будет.

Далеко улетела Снежница из Озерных краев, от жениха сбегая, да только и за тридевять земель настигло ее слово родительское. Но вот с тех пор зимушки с пышными сугробами не стало. А рыжий воин все рыщет до весны по миру, все ищет ту, что украла сердце его.

Вивьен, погружившаяся в свои мысли растирала сушеный лист бузины, когда дверь резко хлопнула о стену и на пороге появилась Альма – первая сплетница выселка.

– Ой, девонька, – запричитала здоровая с виду бабища, хватаясь за поясницу так правдоподобно, что бродячий лицедей обзавидовался бы ее игре. – Спаси немощную. Поясницу прихватило, страсть. Разогнуться не могу...

«Да такая немощная быка ударом кулака свалить может», – недовольно подумала Ви, глядя на гостью. Альма была из тех, кто не приходил просто так. Только за поживой. Эта сплетница изничтожила не одно относительно доброе имя. Она могла по запаху определить, где заначена бутылка с самогоном, а где – любовник, и срамила этим своим качеством даже матерых волкодавов, что берут в лесу след даже спустя неделю.

Избавиться от нежданной гостьи можно было только одним законным способом и тремя, караемыми законом. Ви предпочла первый вариант и, подойдя к полке, потянулась за склянкой с растиранием. Гадючий яд, щедро разведенный самогоном, при приеме внутрь мог быть смертельным, но, как подозревала Вивьен, только не в случае в Альмой. Эта баба была той еще змеюкой. А где это видано, чтобы ползучая тварюка умирала от того, что собственный язык прикусила?

Пока Ви тянулась за склянкой, ушлая баба, вопреки собственным словам, что разогнуться не может, ловко села на лавку и зорко оглядела все углы избы: авось что можно будет ввернуть в очередную сплетню. А то непорядок: внучка знахаркина девка красивая, а ни с кем не гуляет, на сеновалах опять же не замечена, да и талия стройна, а не округляется день ото дня... В общем, тьфу, а не девка. Никакой слух, после которого девки друг дружке косы выдирают, про такую не пустишь. И это бросало вызов профессиональному азарту Альмы, и

любительница почесать язык бдела в лавке особенно усиленно. Вдруг эта белокошая если не с местными парнями, то с болотниками тешиться?

Но едва Ви повернулась лицом, Альма вновь картинно схватилась за поясницы.

– Это обязательно поможет, – протянув склянку, заверила молодая травница.

– Ой, спасибо, деточка, спасла от недуга, – в тон Ви, так же нарочито ласково ответила гостя. – Сколько с меня?

Вивьен по опыту знала, что озвучивать цены не стоит, если хочешь, чтобы эта языкатая зараза вымелась за порог поскорее.

– Для вас – бесплатно. Главное – поправляйтесь, и чем скорее начнете лечение, тем лучше, – заверила Ви.

– Вот спасибо, – покивала сплетница, пряча дар за пазуху и плотнее запахивая полу тулупа.

А потом Альма начала собираться: встала кряхтя, поправила полушалок и уже на крыльце, не успев закрыть дверь, обронила:

– А ты слыхала, деточка, что в выселок инквизитор пожаловал? Из самой столицы. Молодой, но лютый... – последнее слово она протянула с особым смаком, наслаждаясь эффектом, который произвела ее фраза. – Рыжий, как лесной пожар, и такой же злой. Осерчал на градоправителя нашего, значит, что в его вотчине непорядок...

– Какой такой непорядок? – подозрительно спросила Ви, поплотнее запахивая шаль, – больно уж дуло из приоткрытой двери.

Сплетница же, чуя поживу, шагнула обратно, в избяное тепло, затворила дверь и притворно вздохнув, затагнула:

– Да знамо какой: горожане вместо того, чтобы у деп-ла-миравных, – последнее слово Альма произнесла по слогам, явно гордясь тем, что знает такие заумные вещи, – магов и лекарей нороят все к шепотухам да ведуньям сунуться. А казне – убыток. Де налоги не платятся, а болезни толком не лечатся.

– Бабушка каждый год отдает по два золотых в казну на налог, – отчеканила Вивьен. – И она не мошенница, а честная ведунья.

– Да я-то знаю, знаю, – тут же запричитала сплетница. – И то что настои хорошие, помогают, не чета этим, аптекарским... А ты поди это

инквизитору докажи... Что не черная ведьма, а добропорядочная ведовка и все чин по чину...

Ви лишь сжала губы. А языкатая гостья, довольная тем, что теперь есть что рассказать соседкам: испугалась внучка за бабушку, аж щеки побелели (и не оправдаешься ведь, что от злости!) – значит, не все чисто в лавке травницы... может, и зелья запрещенные чернокнижные даже имеются! – наконец-то убралась из лавки.

Вивьен же бояться было нечего: она правду сказала, и о том, что налог они исправно платят в казну, и что черной магией не балуются, лишь зелья разрешенные готовят... Но от греха подальше пошла убирать и порошок дурман-травы, что снимает боль, даря глубокий сон, и декокт из драконьего корня, что в малых дозах способен остановить чернильную гниль, а в больших – выжечь мага.

Управилась она как раз вовремя.

В этот раз дверь распахнулась без стука, явив воина. То, что это именно воин, было понятно и по выправке, и по развороту плеч, но особенно – по доспеху. Плащ же с нашивками розы ветров по бокам говорил, что это не просто латник, а рыцарь света, инквизитор.

Он откинул капюшон, чиркнув по низкой притолоке костяшками пальцев.

«И вправду рыжий, как лесной пожар», – невольно подумалось Вивьен.

Он шагнул внутрь и замер. За его спиной, на улице, уже собралась толпа. Вил и факелов ни у кого не было, зато их с лихвой заменяло жадное людское любопытство.

Воин сделал шаг внутрь лавки и замер, как вкопанный. Ви тоже с удивлением рассматривала незнакомца. Было в чертах его лица что-то неуловимо близкое. А он лишь выдохнул удивленно:

– Ты?

– Я, – согласилась Вивьен. А потом, отринув робость первых мгновений, нарочито удивленно произнесла: – А молва гласит, что рыцари света ничем не болеют. Будто бы их охраняет сам Свет. Чего же понадобилось грозному и непобедимому инквизитору в травяной лавке, где только и найти, что лекарства.

Рыжий воин тряхнул головой, словно сбрасывая наваждение, прикрыл глаза, а когда снова открыл их... Он вглядывался в ее лицо с

какой-то жадностью. Словно ища подвох, а потом, спустя, кажется, вечность, выдохнул:

– Нет, это ты, – и столько было в этой короткой фразе затаенной надежды.

А потом инквизитор скупно, чисто по-мужски, улыбнулся. Разгладилась морщина меж рыжих бровей, в глубине глаз словно заплясали сполохи огня. У Вивьен вышло впечатление, словно лед, что ночью заковывает лужи в броню, тает под лучами осеннего солнца, плавится. Ви тоже пристально рассматривала гостя, силясь вспомнить, где она могла видеть эти карие глаза цвета бронзы, этот пожар волос, что спускались до плеч, эти широкие плечи.

В наступившей тишине можно было услышать, как скребется под половицей мышь, как завывает в подворотне ветер, а они все смотрели друг друга, пили взглядами. Жадно, без стеснения. В какой-то миг ей показалось, что вот сейчас он сорвет с себя плащ, стремительным шагом преодолеет разделявшее их расстояние и...

Но рыжий, лишь тяжело выдохнул, словно только что одержал победу в тяжелейшем сражении: битве с самим собой. Его голос разорвал тишину:

– Людская молва много чего говорит, например, то, что здесь живет старая черная ведьма со своей внучкой-чернокнижницей.

– И рыцари верят этой молве? – Ви выпрямила спину. Гордо, с вызовом глянула в глаза гостя.

А тот, теперь лишь усмехнулся. Внучка травницы была готова поклясться чем угодно, что вот сейчас, только что инквизитор что-то для себя решил. Вот только к добру или к худу это его решение?

– Нет, воины Света привыкли не верить словам. Они зачастую лживы. А вот дела...

– Вы обвиняете в чем-то меня или мою бабушку?

– Нет, – веско бросил рыцарь и добавил: – Пока нет. Но я хотел бы посмотреть и убедиться, что здесь не творят запрещенной волшбы.

– Смотрите, – Ви махнула рукой в приглашающем жесте и удостоилась еще одного лукавого взгляда инквизитора.

А потом он медленно повернул голову направо, потом налево, сделал несколько шагов в сторону полок. Наугад взял несколько банок, открыл одну из них, понюхал...

А потом повернулся к Ви и с самым серьезным видом сообщил:

– Пока ничего не нахожу. Но это не значит, что все подозрения сняты. Я, пожалуй, зайду еще как-нибудь, проведать...

С этими словами он ушел, чтобы вернуться через день, под вечер. В лавке в то время хозяйничала и Ульрик: внучка с бабушкой готовили зелье от чахотки, что одолевала местных горожан. Инквизитор зашел, поприветствовал старуху и, молча, стал наблюдать за тем, как работают травницы. Долго наблюдал, а потом, не говоря ни слова, – ушел.

И так – не единожды.

Как-то раз, спустя месяц, старая Ульрик обронила:

– Зачастил к нам инквизитор. К аптекарю лишь раз зашел да отчихвостил. Повитух тоже единожды проведаль, правда, каждую до слез довел. Шепотуху – и ту вниманием не обласкал, а лишь штраф выписал. А к нам... поди же ты... Почитай, через вечер. Да и меня уважительно госпожой Ульрик величает... Судачат об этом в выселке. Да я и сама вижу, как он на тебя смотрит.

Ви опустила взгляд на стол. Лишь щеки вспыхнули огнем. Они и сама стала замечать, что с затаенной надеждой ждет, когда вновь придет рыжий воин. Вот только с ней он редко заговаривал. С Ульрик – да, частенько. А с Вивьен...

Время бежало быстро. Перевалил за середину березень – первый месяц весны, – а над городом все еще висела серая хмарь. Однажды в лавке скрипнула дверь. Вивьен обернулась с затаенной надеждой. Но на пороге стоял не рыжий. Дверной проем заслонил сын кузнеца.

– Выходи за меня, – бахнул он с порога. – Весь город знает, что с тобой заезжий инквизитор тешился. Теперь тебя никто в жены не возьмет. А я – беру.

– А что же раньше не приходил? – ехидно спросила Ульрик, выходя из-за печки.

Сын кузнеца вздрогнул от скрипучего старушечьего голоса, но упрямо ответил:

– Так пока он в городе был...

Слушать дальше Ви не стала, бросилась из лавки вон. И где только силы, оттолкнуть здорового детину от прохода, нашлись? Она бежала по улицам и ей казалось: вот, за поворотом, мелькнет край бордового плаща рыжего воина... Но нет.

А на следующий день в выселок пришла весна. Она буквально обрушилась потоками солнечного света на дома, улицы, расцеловала конопатыми веснушками, приласкала землю, из которой тут же начала вылезать первая трава.

Горожане радовались теплу, смеялись, но Вивьен становилась печальнее с каждым днем. Даже на настойчивые ухаживания сына кузнеца, что сейчас осмелел настолько, что не давал ей проходу, она не обращала внимания.

Так прошла весна, а потом и жаркое лето... И на изломе серпня за ночь все клены сменили свой зеленый лист на желтый.

– Рано в этом году Повелитель осени пожаловал, – причитала старуха Ульрик, глядя в окно.

А Вивьен... она словно ожила. Будто в душе ее с золотым и бордовым листом вернулась надежда.

Она шла с рынка. Тяжелая корзина со снедью – дарами осени, оттягивала руки. Лучи осеннего солнца играли в ее льняных волосах, когда чья-то сильная ладонь подхватила ее ношу.

– Давай помогу, – как ни в чем не бывало, прозвучало над ухом.

А Вивьен встала как вкопанная. Она не слышала его голоса давно. Но узнала сразу же. И резко обернулась.

– Вернулся? – Ви улыбнулось рыжему воину, а в ее душе в это время разливалось счастье. Оно кружило, пьянило сильнее самого крепкого вина.

– Ждала? – он внимательно смотрел в ее глаза, словно там, в глубине искал ответа.

А она нашла силы лишь кивнуть.

– Моя среброкошая, моя любимая, – он подался вперед. Его дыхание коснулось ее щеки, и время замерло.

А Вивьена... Она просто сделала шаг вперед и обняла его. Дорогого. Близкого. Жданного. Обняла крепко, вложив всю тоску, все слова, что так и не прозвучали, все свои чувства.

– Я никогда больше тебя не покину, если ты сама этого захочешь, – он отпустил корзину на брусчатку.

– Хочу, – только и сказала Ви.

Они так и замерли. Вокруг кружились золотые листья. А потом, спустя два месяца, над выселком закружил первый снег. Пушистые

крупные снежинки танцевали в воздухе, укрывая землю свадебным нарядом.

Снежницу вел под венец Хозяин золотого листа.

* * *

Зима уже всю царствовала в выселке. С пушистыми сугробами, с морозцем и смехом детворы, что каталась с горок, брала снежные крепости и перекидывалась снежками.

Ульрик подперла кулаком щеку, глядя в окно, обернулась через плечо и, посмотрела на черноволосую девчушку, что еще недавно исполнилось семь лет, проворчала:

– Тщательнее растирай, тщательнее.

– Ну, ба...

– Давай-давай. А после обеда в лес пойдем. Завтра праздник зеленой ели.

Девчушка, названная внучка Ульрик, лишь вздохнула. Новый год она ждала с нетерпением. Особенно после того, как узнала от бабушки, что в этот день на землю спускаются Снежница и Хозяин золотого листа, чтобы передать ключи Весеннице и Летню, и их может увидеть любой смертный, меж обычных людей, если только сильно этого захочет.